

Игорь Ковриков

***ОТВЕТНЫЙ ВЫСТРЕЛ
Грача***

16+

Игорь Алексеевич Ковриков

Ответный выстрел Грача

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48857848

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-93127-5

Аннотация

Советский военный лётчик Алексей Грачёв по прозвищу «Грач» когда-то давно проходил службу в далёкой стране Москана, которая находилась на острове посреди океана. Как раз в это время там начались гангстерские войны, и Грач неожиданно оказался в самом центре мафиозных разборок. Через много лет, когда он уже вышел на пенсию, в СССР началась перестройка. Алексей, видя, что его страна стремительно меняется, решил вернуться на Москану. Грач всегда помнил, что у него там остались друзья, но он даже не предполагал, что эти друзья могут в один момент превратиться в смертельно опасных врагов.

Содержание

Часть первая. Воспоминания Грача	5
1. Город Россина, столица Москаны. Конец 90-х годов XX-того века	5
2. Старик	15
3. Старик (продолжение)	23
4. Удав	30
5. Удав (продолжение)	43
6. Грач	51
7. Грач (продолжение)	60
8. Макс Груббер	69
9. Макс Груббер (продолжение)	82
10. Гуга	91
11. Гуга (продолжение)	99
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Игорь Ковриков

Ответный выстрел Грача

Все герои и события вымышлены.

Совпадения могут быть лишь случайностью.

Часть первая. Воспоминания Грача

1. Город Россина, столица Москаны.

Конец 90-х годов XX-того века

Клуб «Пума», стоящий прямо на берегу океана среди огромных пальм в районе самой окраины города, всегда был заполнен народом, несмотря на то, что имел огромные размеры. Расположенный на бывшей подземной автостоянке, он пользовался большим успехом у скупающей от безработицы молодёжи. Парни и девушки со всего города стекались сюда каждый день, поэтому уже к вечеру «Пума» была переполнена, и охрана перекрывала свободный вход. Популярность этого заведения объяснялась очень просто: «Пума» оставалась чуть ли не единственным заведением в Россине, где можно было найти всё, что душе угодно, чтобы оторваться по полной и словить кайф любого рода. Реки разнообразного спиртного и какие угодно виды наркоты, дешёвые девочки и живая музыка – всё это присутствовало здесь, и было очень удивительно, что полиция до сих пор не прикрыла «Пуму». Но это было удивительно только тем, кто не знал, кто на самом деле является хозяином этого заведения.

Когда в городе начались беспорядки, посетителей в «Пу-

ме» поубавилось, но свободных мест вечером всё равно не было. Месяц назад люди, возмущённые поголовной коррупцией, тупостью и жадностью чиновников, и глупыми законами, которые каждый день принимал парламент страны, вышли на улицы. Ситуация сразу вышла из-под контроля, и в центре Россины начались волнения. Горели автомобили и государственные учреждения, а обезумевшая толпа громила магазины. Вся полиция была занята разгонами демонстраций, и ей сейчас было не до охраны порядка. Поэтому в этом районе полицейских давно не было видно, но несмотря на это, здесь царил абсолютный порядок, и преступлений почти не было. Это лишний раз доказывало могущество и авторитет человека, который владел «Пумой» и всем этим районом, и которому были совсем не выгодны беспорядки, если бы они здесь начались.

Наступил вечер, и около входа в заведение образовалась немаленькая очередь, но скоро охрана закрыла двери.

– Вход закрыт! – пробасил в толпу огромный афроамериканец в камуфляжной форме. – Мест больше нет!

Это был начальник охраны «Пумы» Эл Кентукки, которого все называли «Американец» из-за его фамилии.

– Открой, Американец! – неслось из толпы. – Открой, а то мы разнесём двери!

Очередь напирала, но Эл был совершенно спокоен. Сзади него стояло пять таких же здоровенных негров в такой же, как у него, полувоенной форме.

– Мест нет! – отрезал «Американец». – Если хотите пройти, то вам придётся подождать, пока кто-нибудь выйдет.

И он достал из-за пояса большую резиновую дубинку. Его подчинённые тоже вытащили дубинки и приняли угрожающие позы. Они решительно шагнули вперёд, и очередь отпрянула. Толпа разгорячённой алкоголем молодёжи могла бы легко смять и разбросать в разные стороны шестерых охранников, стоящих перед ней, но только в другом месте. У каждого «секьюрити» на поясе, кроме дубинок и наручников, висел револьвер тридцать восьмого калибра, а каждый, кто сюда приходил, знал, что охрана «Пумы» применяет оружие по любому поводу, даже без предупреждения.

Люди стали нехотя расходиться, и очередь в один момент заметно поредела. У входа остались только самые терпеливые, а остальные либо пошли в сторону близлежащей веранды, где ещё можно было купить недорогой выпивки, либо скрылись в близлежащих дворах, чтобы успеть в другие бары до их закрытия.

Трое молодых мексиканцев поднялись на веранду, купили себе пива и устроились в неудобных плетёных креслах.

– Ну что, Родриго, – сказал длинный худой парень в рваной джинсовке и с грязными длинными чёрными волосами. – Сегодня отдохнуть в «Пуме» не удастся.

– Надо было приходиться раньше, – ответил коренастый крепыш, одетый в выцветшую жилетку. – Теперь пойти некуда. Все кабаки уже закрыты.

– Жалко, что не попали, – произнёс третий парень, полный коротышка в грязной футболке. – Придётся идти домой чтобы не попасть в комендантский час.

С начала беспорядков президент Москаны ввёл в стране чрезвычайное положение, и во всех городах в ночное время действовал комендантский час.

– Как думаешь, войдут в город американцы? – спросил длинный.

– Всё может быть, – покачал головой Родриго. – Янки вложили в нашу страну столько денег! Конечно, они так просто от них не откажутся. В городе на баррикадах уже стреляют вовсю, и положение нашего президента становится всё неустойчивей. Полиция уже не контролирует ситуацию, и парламент может попросить помощи у американцев.

Рядом с Россиной находилась американская военная база, и в последнее время на ней постоянно приземлялись и взлетали транспортные самолёты. Всем было абсолютно понятно, что на базу прибывают дополнительные войска.

– Пропал вечер, – произнёс толстый. – Я хотел сегодня посмотреть на Лину. Говорят, у неё новая программа.

– Да, давно её не было, – ответил высокий. – Сегодня она танцует первый раз после своей свадьбы.

Лина была ведущей танцовщицей в «Пуме», и посмотреть на неё люди съезжались со всей Москаны.

– Говорят, что тот русский, за которого она вышла замуж, неплохой парень, – сказал Родриго. – Взял её с ребёнком, да

ещё и после того, что с ней произошло.

– Он ещё и довольно крутой, – согласился длинный. – Говорят, что даже Удав боится с ним связываться.

Удавом здесь называли Жака Лакомба, человека, которому принадлежала «Пума» и ещё половина Москаны. Он был подпольным хозяином страны, поскольку являлся лидером преступного синдиката, опутавшего своими щупальцами все сферы экономики.

Ничего не делалось без его участия. Он имел доход с каждой торговой операции, происходящей на острове, будь она легальной или нелегальной, а уж торговлю наркотиками и проституцию подмял под себя полностью. Единственный бизнес, в который Лакомб не смог влезть, была добыча алмазов, да и то только потому, что её полностью контролировали американцы.

– Ерунда! – воскликнул полный. – Удав сможет заставить работать на себя кого угодно.

– Не говори, чего не знаешь! – возбуждённо заговорил длинный и наклонился вперёд. – Про этого русского лётчика тоже идут всякие слухи, один страшней другого. Говорят, что Лакомб пытался на него «наехать», но потом вдруг неожиданно успокоился. А Лина! Всем известно, что за ней бегал его внук, но русский женился на ней, ничего не испугавшись. Говорю тебе – не простой парень этот Лёша Грач.

– Говорят, что Грач лет двадцать назад спас Удаву жизнь, – произнёс полный. – Поэтому Лакомб его и не тро-

гает.

– Это просто слухи, – сказал Родриго. – Кто верит в них, кто нет. Я лично не верю.

И тут где-то рядом раздался звук мотора приближающейся машины. Друзья обернулись и увидели, как из ближайшего переулка вылетели два огромных чёрных внедорожника «Хамви» и, подъехав к входу в «Пуму», резко остановились. Из первой машины вышли три человека и направились к дверям, причём у одного из них в руках был огромный букет цветов.

– Не может быть! – воскликнул длинный. – Бастиан Лакомб!

– Вспомни чёрта, он и появится, – произнёс Родриго. – К Лине приехал.

– Она же теперь замужем! – удивился толстый.

– Видно, ему всё равно, – проговорил Родриго и смачно плюнул на грязный пол. – Ведь он же внук Жака Лакомба.

Три человека, вылезшие из «Хамви», между тем вошли в клуб. Охрана без разговоров расступилась, и они оказались в ярко освещённом помещении.

– Как дела, «Американец»? – развязно поздоровался с начальником охраны молодой худой рыжеволосый парень лет двадцати с букетом в руке.

– Всё хорошо, мистер Лакомб, – ответил Кентукки. – Решили отдохнуть?

– Я к Лине. Она здесь?

– Да, мистер Лакомб, – вежливо сказал Эл. – Но, ваш дедушка...

– Мой дедушка – это внутреннее дело моей семьи! – перебил Бастиан, подойдя вплотную к Кентукки. – Ты знаешь, сколько ему лет? Скоро здесь всё будет моим, и тебе уже надо начинать к этому привыкать. Ты меня понял, «Американец»!?

– Да, мистер Лакомб, – Эл смиренно кивнул.

– Ну то-то, – успокоился младший Лакомб. – Где она? У себя?

– В своей комнате, мистер Лакомб.

– Успокойся, «Американец», – усмехнулся Бастиан. – Слушайся меня, и всё у тебя будет хорошо.

И с этими словами он и двое его людей прошли на лестницу, ведущую в зал клуба. Кентукки немного постоял, глядя ему вслед, и злобно ухмыльнулся.

– Кроме тебя и твоего деда, есть ещё твой отец, – проворчал он.

После этого Кентукки подошёл к телефону, висевшему на стене, снял трубку и набрал номер.

Бастиан прошёл сквозь толпу через весь огромный зал клуба, где мигали фонари световых эффектов и оглушительно редела музыка, и вошёл в боковое служебное помещение. Два его человека остались в зале, а он прошёл по полутёмному длинному коридору и оказался перед белой деревян-

ной дверью. Здесь было гораздо тише, чем в зале, и молодой человек громко постучал, после чего, не дожидаясь ответа, толкнул дверь.

Лина стояла у зеркала и подкрашивала себе брови. Она тут же бросила на стол кисточку и, запахнув халатик, повернулась к открывшейся двери. Девушка была очень красива. Небольшого роста с длинными чёрными, как ночь, волосами и чуть раскосыми такими же чёрными глазами. Увидев Лакомба, она вздохнула и уселась в стоявшее за ней кресло, закинув ногу на ногу.

– Что тебе надо, Бастиан? – раздражённо спросила она.

– Хочу поздравить тебя с твоей свадьбой, – ответил он, войдя в гримёрку и протягивая ей букет цветов.

– Спасибо, – бросила Лина, – Если это всё, то можешь уходить. Мне надо готовиться к выступлению.

– Нам надо поговорить.

– Не надо. Я замужем, и говорить нам больше не о чем.

– Но я люблю тебя, Лина! – воскликнул Лакомб.

– Я тебе всё сказала, Бастиан, – повторила она, повернувшись к зеркалу. – Уходи! Мне надо переодеться.

– Хорошо! – он вдруг нагло улыбнулся. – Тогда я куплю твою любовь. Сколько ты хочешь?

– Вот как? – удивилась она и снова посмотрела на него. – Ты всерьёз думаешь, что любовь можно купить? Тогда вот что я тебе скажу: я не проститутка!

– Все танцовщицы – проститутки!

– Как видишь – не все!

– Ты всё равно будешь моей! – вдруг крикнул он и, бросив букет на пол, наступил на него ногой. – Я всегда добиваюсь того, чего хочу!

– А что скажет твой дед, если узнает, где ты сейчас находишься? – насмешливо спросила девушка.

– Не разговаривай так со мной, Лина, – злобно прошипел он, пнув ещё раз букет ногой. – Старик Жак скоро покинет этот мир, и всё здесь станет моим. И ты в том числе.

– Ты так считаешь?

– Я знаю это.

– Твой дед в прекрасной форме, – Лина насмешливо взглянула на него. – Он всех нас переживёт, а уж тебя-то точно.

Бастиан побледнел от ярости.

– Ты пожалеешь о своих словах, – прохрипел он и вдруг пошёл на неё, вытянув вперёд руки. Лицо его вытянулось в злобной гримасе, а глаза горели огнём, и Лина, видя это, в ужасе вскочила, отбежала назад и прижалась к стене.

– Ты обезумел, Бастиан! – вскричала она, видя, что он не шутит. – Опомнись!

Но он уже не владел собой. Он медленно приближался, вытянув руки со скрюченными пальцами.

– Сейчас ты станешь моей, потому что я не могу больше терпеть.

– Помогите!!! – закричала она. – Помогите, ради Бога!!!

– Кричи, кричи, – проговорил он, надвигаясь на неё. – В зале играет громкая музыка, и тебя никто не услышит.

Он был уже рядом и махнул рукой, намереваясь схватить её за волосы. Лина увернулась и, проскочив мимо него, побежала к двери, но он успел подставить ей подножку. Девушка упала на пол и сразу вскочила, но он вдруг прыгнул и неожиданно оказался между ней и дверью.

– Тебе не удастся от меня убежать, – прохрипел он, протягивая к ней руки.

И в этот момент дверь широко распахнулась. Бастиан обернулся, и его глаза полезли на лоб от удивления. На пороге с разгневанным лицом стоял его отец, Клод Лакомб.

2. Старик

На берегу тихой бухты, утопая в зелени, стоял огромный трёхэтажный особняк, похожий на средневековый замок. За высокой каменной стеной горели фонари, освещавшие дорожки вокруг дома, по которым не торопясь прогуливались охранники с собаками. Но хотя пространство вокруг дома было ярко освещено, в самом особняке горели только три окна на втором этаже. И лишь немногие знали, что эти три окна были окнами в кабинете хозяина особняка, грозного Жака Лакомба по прозвищу Удав, главы преступного мира России, да в общем-то и всей Москаны.

Глядя на Жака, никто бы не подумал, что он скоро изменит восьмой десяток. Высокого роста, крепкий и энергичный, он выглядел от силы лет на пятьдесят. У него было волевое лицо с глубоко посаженными серыми глазами, и взгляд этих глаз не каждый мог выдержать. Удав имел прекрасное здоровье и постоянно поддерживал его, занимаясь почти каждый день в спортзале, бассейне или тире.

Но сейчас старика Жака преследовала бессонница. Которую ночь он не мог заснуть, предчувствуя беду, и до самого утра мерил шагами пространство своего кабинета. Последнее время дела шли очень плохо, и Лакомб чувствовал, как теряет контроль над ситуацией. Он доверял своим чувствам и знал, что скоро что-то произойдёт, но не мог понять, с

какой стороны ждать удара. Судя по последним событиям, неприятности могли появиться отовсюду, и Лакомб постоянно об этом думал.

Старик плеснул себе в стакан очередную порцию виски, сел в высокое кресло и опять задумался. Новый президент Зокадо не оправдал надежд. Лакомб достиг на Москане такого могущества, что последние двадцать лет практически сам назначал очередного президента, мощно финансируя его предвыборную компанию. Эммануэль Зокадо, который был им выбран из многих претендентов, поначалу казался деловым и порядочным человеком, а самое главное полностью зависимым от Лакомба. Он столько раз клялся в преданности старику, что Удав потерял бдительность и поплатился за это. Придя к власти, Зокадо в короткий срок поставил на все ключевые посты в армии и полиции своих родственников, и когда Жак опомнился, было уже поздно. Нет, президент ещё не пошёл с ним на открытую конфронтацию, но Лакомб безошибочно определил перемены в его настроении. Кроме того, Зокадо оказался жадным до безрассудства и нещадно грабил казну, позволяя это же делать своим родственникам. У них стали появляться роскошные дома и дорогие яхты, а их дети учились за границей. Парламент потонул в безудержной коррупции и полностью поддерживал президента. Бюджет маленькой страны не мог это выдержать и трещал по швам, и последствия не заставили себя долго ждать.

Из-за недостатка средств были приостановлены многие

правительственные программы. Началась безработица, а у тех, кто ещё работал, зарплаты уменьшились вдвое. Кроме того, выросли цены, и народ начал роптать. Можно было ещё спасти ситуацию, и Удав отправился в Президентский дворец. Но Зокадо не стал его слушать, сказав, что не нуждается ни в чьих советах. Тогда Лакомб понял, что надо действовать, и в тот же вечер связался с нужными людьми. Он переговорил с кем надо, но время было уже упущено, и на следующий день в стране начали проходить митинги с требованием отставки президента. Полиция попыталась разогнать демонстрации, но это возымело обратный эффект. В Россине сразу начались беспорядки, и в один миг выросли баррикады. Ситуация сразу накалилась, и Удав не представлял себе, что сейчас надо было сделать, чтобы успокоить население.

Из-за этого Лакомбу пришлось свернуть часть бизнеса. Для того, чтобы держать доходы на прежнем уровне, надо было расширять торговлю наркотиками, но для этого нужно привлечь ещё людей, которым можно было доверять, а таких становилось всё меньше. Старик сидел в своём кресле, и вдруг на него нахлынули воспоминания. В голове появились картинки из его молодости, когда всё это начиналось.

Молодой французский офицер Жак Лакомб прибыл на Москану много лет назад. Тогда эта страна была практически французской колонией, и здесь стоял большой военный контингент. Лакомб курировал вопросы разведки и работал в посольстве, но работы было мало, и вся его деятельность

заклучалась в том, чтобы один раз в месяц отправлять отчёт в Париж, который занимал не больше двух машинописных листов.

Жак был полон энергии и томился в бездействии. Такая жизнь ему быстро наскучила, и он начал искать себе дело. Он решил заняться бизнесом, даже не потому, что нужны были деньги, а потому что искал лекарство от скуки.

Сначала Лакомб решил открыть ремонтные мастерские. В аграрной стране требовалось постоянно ремонтировать трактора, но никакого сервиса здесь не было, и фермеры решали эту проблему сами. Жак придумал, как это исправить. Он взял в аренду два пустующих ангара на окраине Россины, завёз оборудование, и работа закипела. Предприимчивый француз быстро наладил поставку запасных частей для сельскохозяйственной техники из Европы, и от клиентов вскоре не стало отбоя. Появилась прибыль, и Лакомб купил две бензоколонки, а потом открыл свой магазин.

Бизнес Жака рос день ото дня, и это не могло укрыться от местных бандитов. Главарём преступной группировки, контролировавшей рэкет в Россине, был толстый лысый гринго по имени Мишель Трети. Он был уже в годах и для солидности постоянно держал во рту потухшую сигару, желая, видимо, быть похожим на итальянских мафиози, но явно до них не дотягивал. Тем не менее этому человеку удалось сколотить крепкую банду, которая обложила данью почти всю столицу Москаны. Так же ему удалось подкупить начальни-

ка полиции, поэтому чувствовал он себя всегда абсолютно спокойно.

И вот как-то днём Треми в сопровождении двух своих «горилл» появился в магазине Лакомба. Как всегда, в это время было очень жарко и в магазине не было не единого человека. Жак сидел на веранде в тени и потягивал лимонад из высокого стакана. Треми подошёл к нему и без приглашения уселся в кресло, напротив.

– Идите, погуляйте, – бросил он своим людям.

Два огромных негра лениво посмотрели на Лакомба и нехотя отошли. Жак посмотрел на них и про себя усмехнулся. Эти двое «торпед» совершенно не стеснялись в открытую носить оружие. Огромные револьверы висели у них на ремнях поверх выцветших футболок.

– Ты меня знаешь? – спросил толстяк сиплым голосом, вытирая пот со лба носовым платком.

– Да, мсье Треми, – кивнул Жак. – Хотите лимонада?

– Нет, – бандит вытащил изо рта сигару. – Это очень хорошо, что ты знаешь, кто я такой. Значит, можно сразу перейти к делу.

– Слушаю вас, мсье Треми, – спокойно ответил Лакомб, хотя уже догадался, о чём пойдёт речь.

– Что ты заладил, как попугай: месье да месье!? Называй меня просто Мишель.

Жак поднял брови от удивления. Он привык относиться с большим уважением к пожилым людям, а толстяк, сидевший

перед ним, был минимум в три раза старше него.

– Договорились, Мишель, – кивнул он.

– Ну, вот, – ухмыльнулся Треми. – Послушай, Жак, что я хотел тебе сказать. Я давно за тобой наблюдаю и восхищаюсь твоей работоспособностью. Нет – правда! Не каждому удаётся так быстро построить свой бизнес с нуля.

– Спасибо, – равнодушно ответил Лакомб.

– Ты не местный, но хватка у тебя есть, – продолжал бандит. – Ты начал богатеть день ото дня, хотя прибыл издалека, но, несмотря на это, я долго к тебе не приходил, давая возможность встать на ноги. Ты должен быть мне за это благодарен, Жак.

– Сколько? – спросил Лакомб.

– Уважаю деловых людей, – улыбнулся Треми. – А ты не любишь терять время и бросать слова на ветер.

– Так, сколько? – повторил француз.

– Двадцать процентов с прибыли, – ответил бандит, обведя взглядом магазин.

– Ого! – присвистнул Жак. – Не слишком ли круто?

– Поверь мне – это нормально.

– А если я пошлю тебя к чёрту?

– Не советую, – усмехнулся Треми. – Я же не беру с тебя денег просто так. Я предлагаю тебе защиту. Ты не поверишь какие опасные в этом городе молодёжные банды. Они не умеют вести дела и оттого постоянно сидят на мели. У них совершенно нет мозгов, и потому они бедные и, как след-

ствие этого, злые и очень опасные. Им ничего не стоит взорвать бензоколонку, разгромить магазин или сжечь твою мастерскую по ремонту тракторов. Они совершенно не признают никаких авторитетов, но меня всё-таки ещё уважают, и только я смогу дать тебе гарантии безопасности.

– Возможно, ты, Мишель, до конца не понимаешь, с кем разговариваешь, – проговорил Лакомб. – Я – офицер французской армии и не советую тебе мне угрожать.

– Я сейчас разговариваю не с офицером, а с предприимчивым дельцом, – пожав плечами невозмутимо ответил Треми. – Если бы ты был просто военным, то у меня к тебе не было бы никаких вопросов. Но ты зарабатываешь деньги на моей земле, поэтому должен платить. Ничего не поделаешь – здесь такие традиции.

Толстяк внимательно посмотрел прямо в глаза Жаку.

– Кстати, мастерская может сгореть уже сегодня ночью, – произнёс он.

Лакомб спокойно выдержал пристальный взгляд бандита.

– Может быть, у тебя, Мишель, существует какая-нибудь система скидок? – подавшись вперёд, спросил француз.

– Вот это уже деловой разговор, – Треми заулыбался. – Конечно, со мной можно договориться, ведь я же не налоговая инспекция. Скажем, ты будешь платить мне десять процентов в течении полугода, а потом мы вернёмся к этому разговору.

– Договорились, – кивнул француз.

– Будешь отдавать деньги со следующего месяца, Жак, – произнёс толстяк, вставая. – Только не задерживай. Ведь, кроме себя, мне надо ещё кормить семью начальника полиции и нескольких чиновников.

Бандит ушёл, а Лакомб ещё некоторое время задумчиво смотрел ему вслед.

3. Старик (продолжение)

Хотя Жак и согласился платить бандитам, но про себя подумал, что не будет этого делать. Он решил защищать свои инвестиции и знал только один способ, как это сделать. Лакомб понимал, что люди типа Трехи признают только силу, и решил говорить с ним на понятном ему языке.

Лакомб немедленно в глубокой тайне начал собирать боевой отряд преимущественно из бывших военных, людей, привыкших к армейской дисциплине и самое главное никогда не употреблявших наркотиков. В стране, где марихуана росла на каждом шагу, это было трудной задачей.

Но Жак справился. Уже к началу следующего месяца у него было двадцать человек бывших военных и спортсменов, сидевших до этого без работы и поэтому готовых на всё. Так же Лакомбу удалось вывести со склада военной базы несколько ящиков со списанным старым оружием. Это оружие было уже давно заменено на новое, и наличие его на складе никто не контролировал, поэтому Жак был уверен, что пропажу не скоро заметят. В ящиках были пистолеты-пулемёты времён Второй мировой войны MAS-38, а также пистолеты MAB-D. В автомастерской пара головастых слесарей, способных держать язык за зубами, изготовили для них глушители, и Лакомб начал готовиться к операции.

Жак опасался, что Мишель Трехи узнает о предстоящей

акции. Надо было всё сделать быстро, и Жак торопился как мог. Он разработал подробный план нападения, так как его учили в Сенсирской военной академии. За сутки до операции Лакомб поручил одному из своих людей снять поблизости от дома Треми какой-нибудь подвал. После того, как его поручение было выполнено, Жак лично осмотрел помещение и, оставшись доволен, приказал своим людям обить пол, потолок и стены матрацами. Начало операции он назначил на десять часов вечера, поскольку было точно известно, что Треми в это время постоянно бывает дома.

Двухэтажное здание, которое полностью принадлежало главному гангстеру Россины, стояло почти в самом центре города. Ровно в 22-00 к нему подъехала легковая автомашина со шторками на окнах, в которой находился Лакомб с двумя своими людьми. Автомобиль остановился прямо напротив единственного подъезда на другой стороне улицы и замер. Остальные две машины с головорезами Лакомба ждали в соседнем дворе, чтобы их не было видно из окон дома Треми.

– Долго мы будем здесь стоять, мистер Лакомб? – спросил после пятиминутного ожидания сидевший возле водителя светловолосый мужчина, цветастая рубашка которого не могла скрыть бугрившихся на его теле мышц.

– Имей терпение, Макс, – ответил Жак, глядя на улицу сквозь шторки. – Ждём, пока кто-нибудь выйдет.

Когда Лакомб почти месяц назад нанимал себе в команду

этого человека, то тот ему про себя ничего не рассказал. Но Жак не зря был кадровым разведчиком и по своим каналам быстро узнал, что Макс Груббер был бывшим эсэсовцем и после окончания Второй мировой войны скрывался на Москане от правосудия.

– А что мы будем делать, если никто не появится? – нервно спросил водитель, ёрзая по сиденью.

– Успокойся, Гуга, – опять невозмутимо произнёс Жак. – Кто-то обязательно выйдет.

Водитель, молодой черноволосый парень, был мексиканцем и ему трудно было усидеть на месте из-за его горячего темперамента. Гуга жил в рабочем районе и был членом байкерского клуба «Ягуары Москаны». Жак обратил на него внимания поскольку тот ни разу в своей жизни не пробовал наркотиков и даже не пил, что было очень удивительно для человека, состоявшего в молодёжной банде. И ещё он совершенно случайно узнал, что на счету мексиканца было уже три убийства.

Ни Лакомб, ни его люди совершенно не представляли, что творилось в доме. Никто не знал, сколько человек находится внутри, где находится кабинет Треми и даже расположение комнат. Было известно только одно: у главного гангстера Россины не было семьи, и это существенно облегчало задачу. Если бы Жак начал узнавать про всё заранее, то Треми мог узнать про это. Кто-нибудь обязательно доложил бы ему, что Лакомб интересуется его домом, и старый бандит сразу

бы всё понял. Жак делал ставку на неожиданность, поэтому по его плану надо было захватить кого-нибудь из дома перед самым началом нападения и быстро допросить его. Но время шло, а из дома так никто и не вышел.

– Ждём ещё пятнадцать минут и уезжаем, – произнёс Лакомб. – Долго торчать здесь мы не можем. Нас видно из окон, и они могут что-то заподозрить.

Оба его человека одновременно кивнули, не проронив ни звука. Жак начал нервничать и постоянно смотрел на свои часы, но это не помогло.

– Всё, – разочарованно сказал француз, когда время истекло. – Уезжаем!

Гуга потянулся к ключу зажигания, и тут вдруг открылась дверь и из дома вышел здоровенный негр.

– Наконец-то! – воскликнул Гуга.

– Тише, – яростно зашептал Макс. – Он может услышать.

Но громила ничего не заметил. Он лениво покрутил головой, осматривая улицу, и не торопясь двинулся вдоль дома. В это время Жак узнал в нём одного из охранников Треми, с которым тот приходил к нему в магазин.

– Макс, ты знаешь, что надо делать, – проговорил он. – Только дай ему отойти подальше.

– Всё будет в порядке, мистер Лакомб, – усмехнулся немец и вышел из машины.

Жак знал, что Макс служил в диверсионном отряде Ваффен-СС «Призраки» и поэтому взял с собой именно его.

Груббер пошёл вслед за человеком, вышедшем из особняка Треми, а Гуга, развернув машину, медленно поехал за ними. Как только огромный негр, вышедший из особняка, отделился от дома на такое расстояние, что его оттуда уже не могло быть видно, Макс сразу догнал его.

– Простите! – обратился к негру Груббер. – Мне тут на бумажке написали адрес, но я ничего не могу понять. По-моему, это где-то здесь.

Огромный негр резко обернулся, но увидев перед собой человека, всем своим видом выражающего растерянность, вдруг сразу успокоился. Он взял лист бумаги из рук Макса и склонился над ним, пытаясь разобрать что там написано. Но в следующий момент резко поднял голову.

– Здесь же ничего нет! – воскликнул он.

– Конечно, нет, – ответил Груббер и резко выкинул вперёд свою правую руку.

Негр только мотнул головой назад и рухнул вниз, как срубленный стебель сахарного тростника. Макс молниеносно подскочил к нему и схватил обеими руками под мышки, не давая коснуться асфальта. Тут же возле них затормозила машина, и Груббер бросил бесчувственное тело на заднее сидение, после чего сел рядом.

– Гони! – воскликнул Жак, и Гуга нажал на педаль газа.

Подвал, снятый Лакомбом, находился рядом, и машина резко затормозила уже через двадцать секунд. Жак с Максом вывели под руки бесчувственного негра и протащили вниз

по лестнице. Тут же стояли трое боевиков Жака, которые посадили пленного на стул, связав за спиной руки и воткнув в рот кляп.

– Макс, приведи его в чувство, – сказал Лакомб.

– Один момент, шеф, – ответил бывший ээсовец и подошёл к негру.

После нескольких ударов по щекам пленный замотал головой и открыл глаза.

– Ты меня слышишь? – спросил Жак, подойдя к нему.

Негр быстро кивнул несколько раз подряд.

– Если хочешь умереть без мучений – ответишь на все наши вопросы, – произнёс Лакомб и вырвал кляп изо рта пленника.

– Да пошёл ты...! – крикнул ему в лицо негр.

Когда Жак обучался в Сен-Сире, его учили в том числе быстрому допросу пленных в полевых условиях. Но это была теория, а на практике ему ни разу не доводилось применять пытки. Он подошёл к пленному, но его нерешительность сразу бросалась в глаза, и к нему тут же подошёл Груббер.

– Разрешите, это сделаю я, босс? – спросил он.

Жак кивнул и отошёл в сторону. Макс подошёл к негру и засунул ему в рот кляп. Потом он размахнулся и ударил его кулаком по рёбрам. Потом ещё раз, только с другой стороны. После этого пленный дёрнулся и обмяк.

– Ты его не убил? – спросил Лакомб.

– Не волнуйтесь, мсье Жак, – ответил Макс. – Сейчас он

нам всё скажет.

Лакомб отошёл подальше, не в силах на это смотреть. Дрожащими руками он достал сигарету, но даже не успел её докурить. Груббер подошёл к нему уже через две минуты и криво улыбнулся.

– Всё готово, мсье Лакомб, – произнёс он. – Сейчас этот цветной расскажет всё, что нас интересует.

Жак подошёл к негру и вырвал кляп из его рта. Тряпка оказалась вся в крови, и Лакомб повернулся к Максусу.

– Ты же переломал ему рёбра! – воскликнул он.

– Не переживайте за него, мсье Жак, – усмехнулся бывший эсэсовец. – Он успеет нам всё рассказать, прежде чем содохнуть. Я много раз в своё время проводил быстрые допросы и могу вам сказать, что у нас есть ещё минут пять, прежде чем он отдаст Богу душу.

– Тогда допроси его сам! – Лакомб махнул рукой. – Ты знаешь, что нам надо знать.

4. Удав

Уже через две минуты они узнали то, что надо.

– Разберись с ним, Макс, – бросил Жак. – Он нам больше не нужен.

– Конечно, мистер Лакомб, – Груббер хищно оскалился и достал пистолет.

Жак развернулся и пошёл к двери. Он даже не повернул голову, когда за его спиной прозвучал выстрел.

Лакомб вышел на улицу, и к нему сразу от стоящих рядом автомашин подошли его люди. Вместе с ним и Максом, который уже догнал его, их было десять человек, и этого по его плану было вполне достаточно для проведения предстоящей операции. Было уже довольно темно, и можно было начинать.

– Слушайте меня внимательно, господа, – тихо начал Жак. – В доме есть сигнализация, и патрульная машина от полицейского участка сможет доехать сюда за шесть минут. Поэтому на всё у нас с вами не более пяти с половиной минут после того, как мы войдём в дом. Но этого хватит, если действовать быстро и не суетиться. Делимся на три группы. Одна сразу проходит направо, другая налево. Макс на месте покажет расположение комнат. В доме сейчас всего пять человек охраны, и все они находятся на первом этаже. Я, Гуга и Макс поднимаемся на второй этаж в спальню Треми. Всё

очень просто. Как действовать вы знаете. Вопросы есть?

Все молчали.

– Тогда по машинам, господа, – сказал Лакомб.

Он быстро натянул на лицо чёрную маску и ринулся к автомобилю. Его люди, тоже уже в масках, последовали его примеру.

Три легковых автомашины затормозили прямо у подъезда дома, и бандиты сразу выскочили из них. Двое несли специально приготовленный тяжёлый металлический таран. Они первыми подошли к дверям и размахнувшись выбили их с одного удара. Люди Жака ворвались в дом и увидели прямо перед собой стол, за которым сидели двое охранников и играли в карты. Они обернулись к двери, но сделать уже ничего не успели, так как их тут же прошили автоматные очереди, еле слышные благодаря глушителям. Охранники, не проронив ни звука, свалились под стол, наверное, даже не поняв, что произошло, а бандиты Лакомба рассыпались по первому этажу.

Жак тут же бросился на второй этаж по лестнице, находившейся прямо напротив двери, и, оказавшись в коридоре, сразу побежал к двери спальни Треми. Но когда он уже почти достиг её, неожиданно открылась одна из боковых дверей, и в коридор вышел огромный мексиканец. Лакомб обернулся к нему, но вдруг поскользнулся и опёрся двумя руками о стену, чтобы не упасть. Мексиканец, как видно, был человеком опытным и не раздумывая выхватил пистолет. Жак уви-

дел наведённое на него оружие и понял, что уже не успеет выстрелить, но в это время мексиканец внезапно дёрнулся и рухнул на пол. Лакомб поднял глаза и увидел стоящих в начале коридора Груббера и Гугу, поднявшихся вслед за ним.

– Всё хорошо, шеф, – спокойно сказал Макс, вставляя в свой автомат новый магазин.

Лакомб стоял и смотрел, как под лежащим охранником быстро растекается лужа тёмной крови, и ещё не верил в своё чудесное спасение. Он тяжело дышал, а его сердце билось, будто отбойный молоток.

– Спасибо, Макс, – выдавил он из себя. – Я это не забуду.

– Не стоит, – ответил Груббер, подходя к нему и глядя на часы. – Нужно торопиться, босс.

– Ты прав, – Жак тут же успокоился и взялся за ручку двери в спальню Треми.

Но она оказалась заперта. Лакомб несколько раз дёрнул ручку, но дверь не поддавалась.

– Спокойно, шеф, – Макс понял, что Жак слишком нервничает из-за случившегося и, подойдя к нему, вежливо взял за плечи и отодвинул в сторону. – Это делается по-другому. Гуга! Разберись!

Мексиканец подошёл и два раза выстрелил в замок из пистолета, после чего дверь распахнулась.

Мишель Треми, наверное, что-то почувствовал. Он стоял возле открытого окна в одних брюках и как раз собирался встать на подоконник. Услышав звук открывшейся двери, он

резко оглянулся, но даже не успел поднять оружие. Выстрел мексиканца раздробил ему запястье, и огромный пистолет с громким стуком упал на пол. Треми вскрикнул и схватился за свою раненую руку.

– Повернись и посмотри на свою смерть, Мишель, – произнёс Жак, наведя на него пистолет.

– А, это ты, Лакомб, – простонал старый бандит. – Я так и знал, что ты не согласишься платить.

– Как ты меня узнал? – удивился француз.

– Одень ты хоть десять масок, я всё равно знаю, что это ты, – ответил Треми, морщась от боли. – Увидев в тот раз твои глаза, я сразу понял, что с тобой будут проблемы. К сожалению, я не думал, что это будет так скоро. Наверное, старею.

Жак поднял пистолет, целясь прямо в голову гангстера.

– Стреляй быстрее, не мешкай, – усмехнулся тот. – Но знай, что когда-нибудь ты будешь так же, как я сейчас, стоять перед своими убийцами. Что поделаешь? Это издержки нашей профессии.

Лакомб стоял от Треми в трёх метрах и не мог промахнуться. Но он в своей жизни ни разу не убивал человека, тем более безоружного. Он заколебался, и пистолет задрожал в его руке.

– Ты что? – удивился Треми, глядя ему прямо в глаза, – делаешь это в первый раз? Убить человека в первый раз очень трудно, Жак. Потом всё пойдёт, как по маслу, но до этого

тебе придётся не раз сменить свои памперсы.

Жак тут же подумал, что не сможет выстрелить. Но потом вдруг вспомнил, что сзади него стоят его люди и смотрят ему в спину. Он физически чувствовал их взгляды и понимал, что они ждут от него действия. Он знал, что ему придётся убить старого бандита, чтобы заслужить их авторитет.

– Ты не сможешь в меня выстрелить, – произнёс Треми и вдруг пошёл вперёд, прямо на Жака.

И Лакомб машинально нажал на курок. Он видел, что пуля попала в правый глаз Мишеля Треми, и тот, взмахнув руками, вывалился в окно, находящееся за ним.

Жак, Макс и Гуга тут же подбежали к подоконнику и посмотрели вниз. Треми лежал на газоне, распластав руки и не подавая признаков жизни. В это время Лакомб вдруг понял, что ничего не чувствует. Он только что первый раз в жизни убил человека, но не ощущал внутри себя никакого, даже самого слабого волнения. Он был совершенно спокоен, как будто убийства были его привычкой.

– Ты врёшь, Мишель, – произнёс он, глядя из окна на труп старого гангстера. – Я никогда не буду стоять так же, как ты, перед своими убийцами и ждать, пока меня пристрелят, как барана. Я в любой ситуации буду защищаться и бороться за свою жизнь.

Гуга и Груббер с удивлением посмотрели на него. Все молчали некоторое время, но Макс первый пришёл в себя.

– Босс, нам пора уходить, – сказал он. – Время вышло.

Жак развернулся и, больше не говоря ни слова, вышел из комнаты, а его люди последовали за ним. Они спустились на первый этаж, где их уже ждали остальные члены банды.

– Простите, шеф, – обратился к нему невысокий коренастый блондин по прозвищу Контрабас. – Вы нам говорили, что в доме будет пятеро охранников, а мы нашли только четверых.

– Всё в порядке, – ответил за Лакомба Макс. – Пятый был на втором этаже, и мы с ним разобрались.

Контрабас был бывшим боксёром в тяжёлом весе и обладал чудовищной физической силой, но соображал не очень хорошо. Он несколько секунд стоял и, наморщив лоб, пытался сообразить, говорит ли Груббер серьёзно или шутит. Это было настолько смешно, что все бандиты заулыбались. Даже Жак усмехнулся, и обстановка разрядилась.

– Хватит скалиться! – вдруг воскликнул Лакомб. – Быстро уходим!

Бандиты выскочили на улицу, сели в автомобили, и машины тут же сорвались с места, а в это время откуда-то издалека раздался вой полицейской сирены.

В ту же ночь остальные люди Лакомба устранили троих самых близких помощников Тречи, и его банда перестала существовать. В преступном мире Россины началась борьба за власть, и организация Тречи развалилась на множество мелких шаек, которые были уже не опасны. Полиция вела

следствие по поводу ночных убийств, но так и ничего не выяснила, хотя все в городе знали, чьих рук это дело. Немногочисленные свидетели молчали, боясь быть замешанными в бандитских разборках. К тому же Жак через несколько дней пришёл к начальнику полиции и без обвиняемых предложил тому пять тысяч долларов ежемесячно чтобы закрыть тему, после чего расследование сразу было прекращено.

Лакомб быстро подмял под себя весь преступный мир России. Уже через месяц он контролировал всю продажу наркотиков, проституцию и рэкет столицы Москаны. Его организация выросла как на дрожжах, и более мелкие банды платили ему налог с оборота. В один момент Жак превратился из обычного бизнесмена в крёстного отца мафии, может быть, даже не ожидая этого. И именно в это время в народе он получил прозвище «Удав».

Но жизнь шла своим чередом, и однажды на приёме во Французском посольстве Жак встретил её. Мария была американкой и приехала на Москану на практику. Она только что закончила университет и получила диплом геолога, а здесь собиралась изучать местные горы. Роман развивался стремительно, и уже через две недели он сделал ей предложение, которое она приняла без колебаний. Вскоре состоялась свадьба, а меньше чем через год у них родился сын, которого они назвали Клодом.

Вспоминая сейчас этот период своей жизни, Лакомб нахмурился. Перед глазами стояло красивое лицо Марии, и у

него вдруг почернело лицо. Он глотнул из высокого стакана, откинулся в кресле и попытался успокоиться. Жак не смог тогда её уберечь и постоянно винил себя в этом. Он закрыл глаза, и на него вновь нахлынули воспоминания.

Через некоторое время произошло событие, наложившее заметный отпечаток на их дальнейшую жизнь. Президент Франции Шарль де Голь объявил об окончании колониальной политики. Войска стали выводить из Алжира, Индокитай и из других мест. В том числе и из Москаны.

Лакомб решил не возвращаться во Францию и подал рапорт об увольнении с военной службы. Здесь у него была семья и бизнес, а с Родиной его уже ничего не связывало. Раньше из армии было не так-то просто уйти, но сейчас, в связи с выводом войск, началось сокращение, и это стало намного проще. Жак уже повесил свою военную форму в самый дальний угол, чтобы больше о ней не вспоминать, но тут вдруг его неожиданно вызвали в посольство.

Зайдя в здание французского посольства, где он ещё недавно работал, Жак тут же поднялся в кабинет посла.

– Доброе утро, мсье Лакомб, – прошептала молоденькая смазливая секретарша. – Вас уже ждут.

– Спасибо, Кларис, – улыбнулся Жак и взялся за ручку двери. – Ты, как всегда, прекрасно выглядишь.

– Благодарю вас, мсье Лакомб, – девица скромно опустила глаза.

Кларис уже давно была завербована им. Она регулярно

«сливала» ему информацию, благодаря чему у Жака накопился изрядный компромат на посла и на других сотрудников посольства.

Войдя в кабинет посла, Лакомб остановился на пороге. Он с удивлением увидел, что за столом самого главного человека в посольстве сидит незнакомый мужчина, который тут же встал и двинулся к нему навстречу.

– Здравствуйте, лейтенант Лакомб, – произнёс он, протягивая руку. – Я – полковник Леон Обье.

Мужчина был высокого роста и широк в плечах. Он пристально смотрел слегка прищуренными серыми глазами, как будто оценивал Жака как предстоящую покупку. На вид ему было не больше тридцати лет, и Лакомб сразу подумал, что он ещё очень молод для полковничьих погон.

– Почему вы улыбаетесь? – спросил полковник.

– Я подумал: Леон Обье – это ваше настоящее имя?

– А от вас ничего не утаишь, – усмехнулся полковник. – Вы правы. Я действительно из разведки, и в данный момент, пока ваш рапорт об увольнении не подписан, являюсь вашим непосредственным начальником. И вам придётся запомнить меня именно под таким именем.

– Слушаюсь, господин полковник, – без энтузиазма ответил Жак.

Он знал, что недавно президент де Голь переподчинил SDECE, службу внешней разведки республики, министерству обороны, и поэтому всем её сотрудникам были присво-

ены воинские звания.

– Присаживайтесь, лейтенант, – произнёс Обье, показывая рукой на кресло, стоящее перед столом. – Я хочу с вами поговорить.

– А где же господин посол? – удивлённо спросил Жак, оглядываясь по сторонам.

– Мсье посол любезно позволил мне воспользоваться своим кабинетом, – полковник усмехнулся. – К тому же то, о чём мы с вами будем разговаривать, его не касается.

Лакомб вздохнул, уселся в кресло и уставился на Обье. Он сразу понял, что у полковника очень большие полномочия, и что он прибыл издалека не просто так. Так же он понял, что разговор будет строго конфиденциальным и секретным до такой степени, что даже посол не должен при нём присутствовать. Поэтому ничего хорошего от этого разговора Жак не ждал.

– Для начала один вопрос, – произнёс Обье, садясь за стол. – С чем связано ваше решение оставить службу в армии?

– У меня на Москане семья, господин полковник, – ответил Жак. – Я не могу забрать её с собой во Францию. К тому же я веду здесь бизнес. По этим двум причинам я не хочу покидать Москану. Да и с метрополией меня давно уже ничего не связывает.

– Понимаю, – кивнул Обье. – Но, скажу вам откровенно, у нас по отношению к вам совершенно другие планы.

– Вот как! – удивился Лакомб.

– Да, лейтенант.

Хотя Жак очень натурально изобразил на лице изумление, на самом деле он уже догадался, что полковник прибыл из Парижа специально для того, чтобы завербовать его.

– Итак, господин лейтенант, у меня к вам есть предложение, – произнёс Обье.

– Слушаю вас.

– Официально вы увольняетесь с военной службы, но на самом деле будете работать на нас в качестве тайного агента. Ваше личное дело будет засекречено, и никто, кроме ограниченного круга лиц, не будет знать, что вы продолжите свою карьеру в разведке. У вас так же будет идти военный стаж, вы будете получать очередные звания и оклад в два раза больше, чем получают обычные офицеры. Мы уходим из этой страны, но, сами понимаете, должны оставить здесь свои глаза и уши, чтобы быть в курсе происходящего на Москане. И этими глазами и ушами будете вы, мсье Лакомб.

С этими словами полковник открыл чёрную папку, лежащую перед ним на столе, и положил её перед Жаком. Потом он достал из кармана «Паркер» с золотым пером и протянул её Лакомбу.

– Вам надо подписать этот документ, и вы с этой минуты становитесь агентом секретной службы Франции, – почти торжественно сказал он.

Жак недолго подумал и покачал головой.

– Мне не очень нравится ваше предложение, господин полковник, – проговорил он. – Я всё-таки хочу распрощаться с военной формой и впоследствии не иметь с вашей организацией никаких дел.

Обье вдруг перестал улыбаться и угрожающе прищурился.

– Хорошо, мсье Лакомб, – злобно сказал он. – Как говорится, не получается по-хорошему – поступим, как всегда.

– На что вы намекаете? – спросил Жак.

– Недавно был убит главарь местной мафии Мишель Треми, – произнёс полковник. – Что вы об этом знаете?

– А вы?

– Я знаю, что в покушении на него было использовано оружие, похищенное с нашей военной базы, – Обье усмехнулся. – Это доказано экспертизой.

– Ну и что? – как можно равнодушнее ответил Лакомб.

– А то, мсье Удав (ведь так вас сейчас называют), что это оружие украли именно вы.

– А вы, господин полковник, уверены в этом?

– На все сто процентов, – Обье опять усмехнулся. – Вы вывезли со склада четыре ящика оружия по поддельным документам. Оружие было старое, и вы надеялись, что его пропажу не заметят. Впрочем, всё так бы и получилось, если бы я не провёл собственное расследование. Сержант, выдавший вам ящики, дал показания и, кроме того, вас запомнили двое охранников. Если я дам ход этому делу, то вам не миновать

пожизненного заключения. Так что выбор у вас невелик: либо работать на нас, либо в тюрьму.

Лакомб вздохнул и взял ручку из руки полковника.

– Покажите, где надо подписать.

– Вот здесь, – показал Обье. – Отныне во всех документах вы будете проходить под псевдонимом «Иностранец». Запомните это своё новое имя.

– Я запомню, – сказал Удав, подписывая бумагу.

5. Удав (продолжение)

Жизнь Жака почти не изменилась после того, как из Москаны ушли французские войска. Он также, как и раньше, занимался бизнесом, а его преступная империя постоянно росла. Он завладел всеми плантациями опиумного мака на острове и как следствие этого подмял под себя весь наркобизнес. Он уже задумывался над тем, чтобы расширить производство опиума и выйти на внешний рынок, но тут неожиданно новый президент Москаны подписал соглашение с СССР о дружбе и сотрудничестве, и на остров пришли русские.

Тогда Удав не на шутку испугался. Он думал, что коммунисты сразу его прижмут и посадят в тюрьму за его преступную деятельность. Он затаился, но время шло, а ничего не происходило. Русские появились здесь, чтобы строить машиностроительный комбинат, и не лезли во внутренние дела Москаны. Поэтому сюда приехали главным образом инженеры и строители, а военных было совсем мало. Правда, они всё же построили военно-воздушную базу, но она была совсем небольшая, и на ней базировались всего несколько вертолётов. Жак со временем успокоился, но расширять свой наркобизнес на всякий случай не стал.

Лакомб посылал в Париж отчёты один раз в месяц, так же как он делал тогда, когда ещё служил в армии. Но с приходом

русских полковник Обье стал требовать от него больше информации, и Жаку пришлось добывать её. Он посылал полковнику отчёты уже не один раз в месяц, а каждую неделю и иногда даже разговаривал с ним по телефону из посольства. Это отнимало много времени, но Жак ничего не мог поделать, и это его очень сильно раздражало.

Так проходили месяцы и годы. Удав не замечал, как быстро течёт время. И поэтому не заметил, как на Москанеросло новое поколение местных бандитов. Они жаждали денег, но Лакомб держал весь преступный мир острова в ежовых рукавицах и никому не давал поднять голову. Молодые бандиты выполняли для него самую дешёвую работу. Долго так продолжаться не могло, и в один прекрасный солнечный день к нему заявился главарь местной молодёжной банды, чтобы поговорить.

Молодой испанец по имени Лопе, что в переводе означает волк, пришёл к нему прямо домой. Удав хотел приказать своей охране спустить его с лестницы, но в последний момент ему стало интересно, что ему хочет сказать этот щенок.

Двое охранников привели Лопе на широкий балкон дома Лакомба. Удав сидел за столом и завтракал, а за его спиной стоял Макс Груббер. Жак кинул взгляд на оборванного худого парня лет девятнадцати, стоявшего перед ним, и усмехнулся. Он сразу вспомнил Мишеля Треми, когда-то так же пришедшего к нему, невольно сравнивая тот и этот визит, и сравнение было явно не в пользу Лопе.

– Быстро говори, что тебе надо, и уходи, – произнёс Лакомб и глотнул кофе.

– Меня зовут Волк, – произнёс испанец.

– Я знаю, кто ты такой! – рявкнул Жак. – Говори, зачем пришёл.

– Ты даже не предложишь мне сесть, Удав?

– Много чести! – Лакомб терял терпение. – Говори быстрее и проваливай!

– Не разговаривай со мной так! – вдруг воскликнул юноша. – Я здесь родился, а ты – чужак. Так что будь повежливей.

– Плевал я на то, кто и где родился! Чего ты хочешь!?

– Послушай, Удав, – сказал Лопе. – Я и мои люди выполняем твои мелкие поручения и получаем за это гроши. Мы готовы на большее. Поручи нам настоящее дело, чтобы мы смогли заработать, или отдай какой-нибудь район Россины. Мы уже устали жить в нищете.

– Это всё? – спросил Жак.

– Всё!

– Тогда послушай меня, – Лакомб поставил на стол чашку с кофе, которую до этого держал в руке. – Вы так же, как и раньше, будете делать то, что я вам скажу. До настоящего дела вы ещё не доросли, а делиться с вами чем-либо я не буду. Если вам это не нравится, то можете устраиваться работать на завод, который скоро построят русские. И не вздумайте что-то делать без моего ведома. Если ты всё понял, то я тебя

больше не задерживаю.

– Напрасно ты так со мной поступаешь, – глядя исподлобья, проговорил Волк. – Когда-нибудь я напомню тебе этот разговор.

– Ты мне угрожаешь? – удивлённо спросил Удав.

– Нет. Я говорю о том, что ты сейчас зря отталкиваешь меня.

– Убирайся! Ты меня утомил.

Лопе больше, не говоря ни слова, встал и даже не попрощавшись пошёл к выходу.

– Может быть, вы зря с ним так круто, мистер Лакомб, – сказал Макс, когда Волк ушёл.

– Пускай знает своё место, – ответил Удав. – Тем более что мне нечего ему поручить. Они могут только стрелять, а мне этого не надо. Я потратил много сил, чтобы навести здесь порядок и прекратить бандитский беспредел. За это кстати и народ мне благодарен. Так что пускай успокоятся и займутся делом. Здесь не Сицилия, и гангстеры мне не нужны!

Лакомб скоро забыл об этом разговоре и, как оказалось, напрасно.

В то утро они собрались за город. Клоду тогда уже исполнилось пятнадцать лет. Всей семьёй они поехали на машине к одинокой скале, где собиралось множество разнообразных красивых рыб, образуя собой бесподобное зрелище, и Жак давно обещал показать это место своему сыну. Погода была отличная, и Контрабас, сидевший за рулём, неторопливо

вёл машину по пустой ровной дороге. Ничего не предвещало беды, и у Лакомба не было в тот день никаких тревожных предчувствий, поскольку ему уже некого было бояться. И поэтому он давно не брал в такие поездки охрану.

Первый же выстрел пробил водителю голову, и он беспомощно ткнулся в руль. Жак, сидевший рядом, сразу понял, что Контрабас уже мёртв, и среагировал мгновенно, схватившись за рулевое колесо. Он не успел самую малость, и машина плавно съехала в кювет.

– Быстро из машины! – заорал он не своим голосом и распахнул дверь.

Но только они выскочили из автомобиля, как раздался ещё один выстрел, и Мария вскрикнула. Лакомб увидел, как она начала оседать на землю, и подхватил её под руки.

Они стояли обнявшись, глядя друг на друга, и Жак чувствовал, как по его рукам стекает её кровь. Он глядел в её глаза, видя, что они становятся стеклянными, и не мог в это поверить. Казалось, что это был какой-то кошмарный нереальный сон, в котором не было ни капли правды. Он осторожно положил её на траву, не понимая, что делает, и только громкий крик Клода вывел его из оцепенения.

– Мама!!! – закричал мальчик.

– Беги! – крикнул Жак, выхватывая пистолет. – Беги к лесу!

– Нет!

– Беги, я тебе сказал!

– Нет!!!

Клод сидел на корточках, прижавшись к переднему колесу машины, а из его глаз текли слёзы.

И тут раздался третий выстрел. Пуля попала Лакомбу в руку, и он выронил пистолет. Он попытался подхватить оружие левой рукой, но ещё одна пуля ударила в ногу, и он повалился на землю.

Из кустов напротив не торопясь вышел снайпер и направился в их сторону. Он был в чёрной маске и коричневом камуфляже. Медленно перейдя дорогу, киллер подошёл и остановился перед лежащим на траве Жаком, направив ствол винтовки в его сторону.

– Не трогай мальчика, – прохрипел Лакомб. – Дай ему уйти.

– Сожалею, мистер Удав, – произнёс стрелок глухим голосом, – Но у меня другие инструкции.

Жак заревел от бессилия и рванулся в сторону убийцы, но раненая нога помешала достать его. При этом стрелок даже не вздрогнул.

– Перед своей смертью вы должны увидеть, как погибнет вся ваша семья, – невозмутимо произнёс снайпер. – Деньги заплачены, и я должен выполнить это условие.

– Кто!!!? – хрипел Лакомб. – Скажи мне, кто тебя нанял!?

– Я скажу это, когда буду тебя кончать, – ответил убийца и навёл винтовку на Клода.

Мальчик уже не плакал. Он сидел на земле и с ужасом

глядел прямо на снайпера. И вот когда уже должен был прозвучать выстрел, вдруг из-за поворота на большой скорости выскочил военный УАЗик с открытым верхом.

Стрелок сразу развернулся и выстрелил по приближающейся машине несколько раз. УАЗик вильнул, съехал в кювет и, ударившись о пальму, остановился прямо около машины Лакомба. И в этот момент Жак с удивлением увидел, что в нём никого не было.

Удав знал, что на таких машинах ездят солдаты и офицеры с русской военно-воздушной базы. Наверное, это знал и убийца, потому что сразу подбежал к русской машине и спрятался за неё. Но как только снайпер высунул свою голову, чтобы посмотреть на дорогу, из близлежащих кустов раздался одиночный пистолетный выстрел.

Снайпер дёрнулся всем телом и повалился на землю. Лакомб посмотрел на него и увидел, что пуля попала убийце прямо в лоб. Он тут же подумал, что тот, кто смог попасть из пистолета с такого расстояния в голову, несомненно являлся феноменальным стрелком.

Сразу из-за кустов вышел человек в зелёной военной форме. Удав знал, что такую форму носили русские военные пилоты. Когда человек подошёл ближе, то Жак увидел, что это был молодой парень, не старше двадцати пяти лет, среднего роста, худощавый, с тёмными волосами.

Русский сначала подошёл к Клоду.

– С тобой всё в порядке? – спросил он мальчика по-фран-

цузски с небольшим акцентом.

Клод молча кивнул. Тогда русский подошёл к Жаку и нагнулся, рассматривая его.

– Вас надо перевязать, – сказал он.

Но Лакомб не отвечал. Он смотрел неподвижным взглядом на распростёртое на земле тело Марии. Русский проследил за его взглядом и вздохнул.

– Ваша жена?

– Да.

Офицер покачал головой.

– Соболезную, – произнёс он. – Я всё-таки принесу аптечку.

Русский подошёл к своей машине и достал маленький кожаный чемоданчик. Из него он достал бинт и стал заматывать простреленную ногу Жака прямо поверх штанины.

– Самое главное остановить кровь, – говорил он в это время. – Потом я отвезу вас в больницу.

– Меня зовут Жак Лакомб, – проговорил Удав, морщась от боли.

– Я слышал о вас, – кивнул русский, даже не удивившись.

– А как зовут тебя?

– Старший лейтенант Алексей Грачёв, – ответил офицер. – Но все называют меня просто Грач.

6. Грач

Алексей проснулся и сразу посмотрел на часы, стоящие на журнальном столике. Три часа ночи. Лина должна была уже скоро приехать, и Алексей встал и пошёл готовить ужин. Лина после выступления могла бы поужинать в «Пуме», но никогда этого не делала. Она всегда сразу уезжала домой, где её ждали Алексей и маленький Тоно, её семилетний сын.

Алексей почти не изменился за последние двадцать лет, только взгляд стал задумчивым, а волосы начали седеть. В остальном он был таким же, как в то время, когда в первый раз прибыл на Москану и познакомился с Жаком Лакомбом. С той поры прошло много времени и произошло много событий, но он чувствовал себя таким же молодым, как двадцать лет назад.

Грач прошёл на кухню и стал резать салат. Они с Линой жили в маленьком одноэтажном домике, стоящем на краю аэродрома недалеко от города, на котором стоял один единственный самолёт, старенькая Сессна, подаренный Удавом в благодарность за то, что Алексей спас ему когда-то жизнь. Грач был намного старше Лины, но несмотря на это, они очень сильно любили друг друга.

Алексей быстро приготовил ужин и пошёл посмотреть на Тоно. Мальчик спал в своей комнате, безмятежно посапывая во сне. Алексей поправил сбившуюся подушку и вернулся на

кухню. Он уселся на стул и посмотрел в тёмное окно. Лина задерживалась, но такое бывало часто, и Грач приготовился к ожиданию. Он начал вспоминать те события, которые произошли с ним много лет назад.

Ещё совсем мальчишкой Лёша бредил авиацией. Он твёрдо решил стать военным лётчиком и после школы поехал поступать в военное училище. Но после сдачи экзаменов ему не хватило баллов. Лёша тогда очень расстроился и вдруг совершенно случайно узнал, что с его аттестатом и результатами экзаменов можно поступить учиться на вертолётчика. Вертолёты были в то время новой техникой и только ещё внедрялись в армию. Алексею стало интересно, и он поехал в город Пугачёв, где находилось вертолётное училище.

Учился он легко и почти все зачёты сдавал на отлично. Летать стал самым первым из группы, а на учениях ему, недолго думая, присвоили позывной «Грач». Постепенно его так же начали называть остальные курсанты и даже офицеры-инструктора. С тех пор к нему приклеилось это прозвище.

Все преподаватели были им довольны, и к тому же в процессе учёбы у него выявился ещё один талант: он очень метко стрелял. Это было крайне удивительно, поскольку Алексей никогда в жизни не занимался стрельбой. Видно, эта способность была заложена в нём от природы. На занятиях в тире его пули редко, когда попадали мимо десятки, и начальник тира только изумлённо качал головой.

– С такими навыками тебе, Грачёв, прямая дорога в спец-

наз, – говорил он.

– Спасибо, конечно, товарищ капитан, – отвечал Алексей, – но я уже выбрал авиацию.

Училище он закончил с отличием и получил распределение в далёкий пограничный гарнизон. Но тут вдруг в его судьбу вмешался неожиданный случай. Как раз в тот год правительство СССР заключило договор с Москаной. Нужно было послать туда ограниченный воинский контингент, и командование для этого начало набирать лётчиков.

Отобрать решили людей опытных, тех, кто прослужил в авиации не менее пятнадцати лет. Но когда списки принесли на утверждение одному ответственному генералу, тот вдруг возмутился.

– Что это такое!? – с негодованием спросил он полковника из кадров, который принёс ему бумаги. – Посылаете для выполнения интернационального долга одних стариков. У нас что, молодёжи нет!?

– Но, товарищ генерал, – оправдывался кадровик. – Посылаем людей заслуженных. Чтобы они смогли заработать перед пенсией.

Ни для кого не было секрета, что за границей платили больше, чем в Союзе, к тому же быстрее присваивались очередные звания и быстрее шла выслуга лет. Поэтому многие хотели туда попасть.

– Ничего не знаю, товарищ полковник! – пробасил генерал. – Нам надо послать хотя-бы трёх или четырёх комсо-

мольцев. Принесите мне список выпускников вертолётного училища, а я выберу сам.

Генерал прошёл всю Великую Отечественную войну и имел крутой нрав, поэтому полковник не стал с ним спорить. Он принёс списки с краткими характеристиками и положил папку на стол.

Генерал надел очки и открыл папку. Сверху самой первой была характеристика на младшего лейтенанта Алексея Грачёва.

– Ну вот, товарищ полковник! – генерал взглянул на кадровика поверх очков. – Отличник, морально выдержан и к тому же чемпион округа по стрельбе из табельного оружия. Чем не кандидатура? Короче, идите. Я выберу и позвоню. Пришлёте мне их личные дела.

Так Грач оказался на Москане.

Служба здесь была лёгкая, хоть и называлась выполнением интернационального долга. Не служба, а курорт. Океан, бесконечные пляжи с мелким жёлтым песком, пальмовый лес и экзотические фрукты. Войны здесь никакой не было, и военные вертолёты использовались как правило в виде транспорта. Ещё – один раз в неделю тренировочные полёты – и всё.

Грач и другие пилоты изнывали от скуки. Алексей от нечего делать договорился со старшиной подразделения ездить вместо него в город за продуктами. В такие поездки он бродил по Россине, осматривая город и знакомился с

местными. Сначала люди относились к нему настороженно и удивлённо рассматривали его форму, но скоро привыкли, и многие стали сами подходить, чтобы познакомиться. Грач быстро выучил французский язык, на котором говорило почти всё население острова, и поэтому скоро свободно общался с людьми. Через некоторое время его знал уже почти весь город и многие здоровались, завидя его.

Так прошло два года, и его командировка подходила к концу. Пора было собираться домой в Советский Союз, но командир части неожиданно сообщил Алексею, что он остаётся на второй срок.

– Не могу тебя отпустить, Грачёв, – сказал тогда полковник. – Ты же знаешь уже весь город и свободно говоришь по-французски. Где я ещё такого найду?

– Честно говоря, товарищ полковник, мне здесь порядком надоело, – ответил Алексей. – Хочется домой, на снег посмотреть.

– Я дам тебе отпуск, – улыбнулся командир. – Поедешь в Союз, отдохнёшь от тропиков. Там как раз сейчас зима.

– Есть! – нехотя произнёс Грач.

Через месяц он вернулся, и гарнизонная жизнь вновь пошла своим чередом. Он, как и раньше, ездил в город, и вот в одну из таких поездок всё это и случилось.

В тот день он ехал по грунтовой дороге на УАЗике, как вдруг недалеко впереди раздался винтовочный выстрел. Реакция сработала мгновенно, и Грач сразу остановил маши-

ну, прыгнул на землю и, достав пистолет, побежал к лесу. Соскочив с дороги, он углубился в кусты и побежал сквозь них, и тут прозвучал ещё один выстрел. Алексей уже достиг поворота и выглянул из-за деревьев. То, что он увидел, было похоже на картину из американского боевика.

В кювете стояла легковая машина, за рулём которой сидел человек, уткнувшийся в руль. Другой человек стоял рядом с пистолетом в руке, а около него неподвижно лежала женщина. Грач ещё не разобрался в ситуации, как раздался третий выстрел, и мужчина, стоящий возле машины, выронил пистолет.

Грач сразу всё понял. Из кустов стрелял снайпер, и если Алексей выскочит на дорогу, то сразу станет отличной мишенью. Решение пришло в голову само собой, и он рванулся назад.

Только бы успеть, думал Грач и в этот момент услышал четвёртый выстрел. Он подбежал к машине, схватил булыжник, лежащий на обочине, и придавил им пададь газа. Потом сел за руль, завёл двигатель и включил передачу. Уазик рванулся вперёд и, когда достиг поворота, Алексей резко крутанул руль и выскочил из машины.

Почти сразу раздалось несколько выстрелов подряд, но Грач не останавливался. Он бежал через колючие кусты, раздирая себе лицо и руки. Прямо перед дорогой он остановился около толстого ствола пальмы. Осторожно выглянув из-за него, он увидел, как человек в маске спрятался за заглох-

ший уазик. Алексей дослал патрон в патронник, поднял пистолет и как только убийца высунул голову из-за машины, сразу выстрелил.

Снайпер уронил винтовку и повалился на землю.

Грач вышел из-за кустов, убрав пистолет, и сначала подошёл к мальчику лет пятнадцати, сидевшему на песке возле колеса машины.

– С тобой всё в порядке? – спросил его Алексей.

Парнишка кивнул, отрешённо глядя перед собой. Алексей посмотрел на женщину и понял, что помощь ей уже не нужна. Тогда он подошёл к раненому мужчине, лежавшему на земле, и склонился над ним, разглядывая раны.

– Вас надо перевязать, – сказал он.

Но мужчина даже не ответил. На его лице отражалось такое горе, что Грач сразу всё понял.

– Ваша жена?

– Да, – ответил мужчина.

Алексей немного помолчал, глядя на убитую женщину.

– Соболезную, – наконец сказал он. – Я всё же принесу аптечку.

Грач подошёл к своему УАЗику и достал аптечку. Потом подошёл к мужчине и взял в руку бинт.

– Самое главное остановить кровь, – сказал он, бинтуя ногу. – Потом я отвезу вас в больницу.

– Меня зовут Жак Лакомб, – проговорил мужчина.

Грач конечно знал о всесильном боссе местной мафии по

прозвищу Удав, но видел его впервые.

– Я слышал о вас, – ответил офицер.

– А как зовут тебя?

– Старший лейтенант Алексей Грачёв. Но все называют меня просто Грач.

– Офицер? – произнёс Удав, глядя, как Алексей ловко бинтует ему ногу. – Я тоже был офицером французской армии в то время, когда здесь стояли французские войска. После того, как они ушли, я тоже ушёл. В отставку. Не захотел возвращаться во Францию.

– Почему? – Грач закончил бинтовать ногу и принялся за руку.

– Я здесь занялся бизнесом, потом женился, – сказал Лакомб, опять посмотрев на неподвижное тело жены. – Теперь думаю, что возможно всё, чем я занимался, было напрасно.

– Сейчас вам надо подумать о вашем сыне, – проговорил Грач. – Как он перенесёт всё это.

– Я найду того, кто подослал ко мне убийцу, – злобно произнёс Удав. – Они мне очень дорого за это заплатят. Жалко, что стрелок не успел мне назвать имя того, кто его нанял, но я всё равно это узнаю.

В это время к ним подошёл Клод. Он уже не плакал и внешне был абсолютно спокоен.

– Подойди ко мне, Клод, – обратился к нему Лакомб.

Мальчик подошёл и сел на землю рядом с отцом. Жак обнял сына и поцеловал его в щёку, а потом посмотрел на

Алексея.

– Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал, Грач, –
сказал он.

7. Грач (продолжение)

Алексей отвёз Лакомба и его сына домой. Как только они приехали в особняк Удава, тот сразу сказал что-то одному из своих людей, и машину Грача тут же куда-то увезли.

– Вечером получишь её назад, – сказал ему Жак. – А пока располагайся и отдыхай.

– Мне надо позвонить, – попросил Грач.

– Гуга, сделай всё, что он попросит, – Лакомб посмотрел на высокого мексиканца в кожаной жилетке.

– Быстрее ведите его в кабинет! – воскликнул неизвестно откуда взявшийся человек в белом халате.

Удава увели в его комнату два телохранителя, взяв под руки, а доктор пошёл следом. После этого мексиканец подошёл к Алексею.

– Меня зовут Гуга, – сказал он, глядя прищуренными глазами. – Пойдём, покажу тебе, где телефон.

Он привёл Грача в одну из комнат, где на письменном столе стоял телефонный аппарат. Алексей взял трубку и выразительно посмотрел на Гугу, но мексиканец уходить не собирался. Грач пожал плечами и набрал номер базы.

– Вас слушают, – услышал он в трубке голос дежурного офицера.

– Говорит Грач. Я попал в аварию и поэтому задержусь.

– С тобой всё в порядке? – тревожно спросил дежурный.

– Цел, но машина помята. Я тут договорился в городе, и сейчас мне её поправят и покрасят.

– Я понял, – сказал дежурный. – Доложу полковнику, но тебе придётся написать рапорт.

– Я знаю, – ответил Алексей и положил трубку.

– Расскажи, что произошло с боссом? – сразу спросил Гуга, как только трубка оказалась на аппарате.

– Снайпер, – ответил Грач. – Он поджидал их на повороте дороги. Жена Лакомба и шофёр погибли.

– Это я знаю! – кивнул мексиканец. – Мы уже отправили туда наших людей. Расскажи, откуда там взялся ты?

– Я ехал в город той же дорогой, – спокойно ответил Алексей.

– А может быть, ты не случайно там оказался?

– Что ты этим хочешь сказать?

– Откуда киллер узнал, какой дорогой поедет мистер Лакомб и в какое время? – мексиканец в упор смотрел на Алексея.

– Откуда же мне знать? – усмехнувшись, ответил Грач. – Может быть, ты ему об этом сказал.

Услышав эти слова, Гуга побледнел от гнева. Он положил свою правую руку на пистолет, висевший у него в открытой кобуре на поясе, и напрягся всем телом, но Алексей только усмехнулся.

– Спокойно, амиго, – сказал он, глядя мексиканцу прямо в глаза. – Тебе нельзя так волноваться. Убери свою руку по-

дальше от пистолета и остынь.

– Не указывай мне, что делать, – прохрипел Гуга, прищурив глаза.

– Как знаешь, чиканос, – Грач вдруг перестал улыбаться. – Но я всё равно успею выстрелить первым.

– Ты уверен?

– Хочешь попробовать?

Они стояли и смотрели друг другу в глаза. Алексей вдруг увидел, как у мексиканца нервно дёрнулось веко, но в этот момент открылась дверь, и в комнату вошёл один из телохранителей Удава, высокий широкоплечий человек с белыми волосами.

– Гуга, тебя зовёт босс, – произнёс он.

– Ладно, – сказал мексиканец, убирая свою руку от пистолета, – позже с тобой поговорим.

– Конечно, амиго, – усмехнулся Грач. – В любое время и в любом месте.

Гуга зло посмотрел на Алексея и вышел из комнаты.

– Не обращай внимание на Гугу, – произнёс здоровяк. – Ребята нервничают.

– Понимаю.

– Меня зовут Макс Груббер, – проговорил блондин, протягивая свою руку.

– Грач, – представился Алексей.

– Хочешь выпить, Грач?

– Я за рулём, – помотал головой офицер. – К тому же сей-

час слишком жарко.

– А я, пожалуй, выпью, – сказал Груббер. – Надо снять напряжение.

Он открыл бар и налил себе в высокий стакан из пузатой бутылки.

– Как всё это произошло? – спросил он после того, как проглотил содержимое стакана.

– Я услышал впереди выстрелы и сразу остановил машину, – начал Алексей. – Водитель и жена Лакомба были уже мертвы. Я понял, что стрелял киллер и сейчас он убьёт Удава и его сына. Надо было его отвлечь, и я пустил свой УАЗик по дороге, а сам рванул через кусты. Он купился на это, и мне удалось подобраться к нему поближе. Дальше – дело техники.

– Ловко! – кивнул Макс. – Как ты думаешь, стрелок был один?

– Скорее всего, – сказал Алексей. – Если бы там был ещё кто-нибудь, то я бы здесь не стоял.

– Логично! – Груббер опять наполнил себе стакан. – Говорил я Удаву, что не надо так легкомысленно относиться к молодёжным шайкам.

– Ты думаешь, это они?

– Я знаю это, – проговорил Макс. – Ты слышал про человека по прозвищу Волк?

– Нет.

– Его зовут Лопе, один из главарей молодёжных банд, на-

стоящий беспредельщик. Недавно он явился к Лакомбу и потребовал часть прибыли от рэкета. Уже одно это должно было насторожить Удава, но он не придал этому значения. Он послал Волка к чёрту. На первый взгляд Лакомб поступил правильно, потому что молодые могли превратить Россину в Чикаго тридцатых годов. Но само то, что Лопе посмел требовать что-то у Удава, показывает, что молодёжь почувствовала свою силу и с ней нужно считаться. Надо было уступить им хоть что-то, – Груббер опрокинул очередной стакан себе в рот. – Либо сразу всех загасить.

Макс сел в кресло, стоящее возле стола и закинул ногу на ногу.

– И вот результат, – продолжал он. – Молодёжные банды вышли на тропу войны, а Лакомб потерял свою жену и чуть не потерял сына. Теперь начнётся война за сферы влияния, и Россина может залиться кровью.

– Почему молодёжь не работает? – недоумённо спросил Алексей. – Ведь у вас в городе всегда можно найти работу.

– Потому что это против их принципов, – усмехнулся Груббер. – Они объединяются в шайки и байкерские банды не для того чтобы работать. Рэкет, торговля наркотиками и бандитизм – вот чем они занимаются. Когда Удав создал на Москане свою организацию, то сразу навёл здесь порядок, но они всё равно время от времени выходят из-под контроля. Вот, например, вы русские строите здесь завод, казалось бы, хорошее дело. Но, уверяю тебя, на вашем заводе будут

работать одни крестьяне, потому что городские считают себя выше этого.

Грач задумался. В то время в Советском Союзе всё было по-другому. Большинство людей работало и получало личную зарплату. Молодёжь могла учиться бесплатно и выбирать себе любую специальность. Банды конечно тоже были, но милиция быстро пресекала их деятельность, и они никак не влияли на жизнь общества.

– Ладно, мне пора, – сказал Макс, вставая и ставя стакан на стол. – Пойду узнаю, когда будет готова твоя машина.

Он вышел из комнаты. Алексей проводил его взглядом и уселся в кресло. Но только он взял со стола один из журналов, чтобы скоротать время, как дверь опять открылась и вошёл один из охранников Лакомба.

– Эй, русский! – сказал он. – Шеф хочет с тобой поговорить.

Грач поднялся и пошёл вслед за охранником. Они прошли по коридору и оказались перед высокими белыми дверями. Охранник открыл одну створку, и Алексей оказался в кабинете Лакомба, огромной комнате с кожаными диванами, расставленными по стенам, и большим письменным столом посередине.

Удав лежал на одном из диванов, накрытый пледом, а рядом стояли Гуга и доктор. Грач сразу заметил, что повязка на руке Удава была свежей.

– Вы свободны, – произнёс раненый. – Мне надо погово-

ритель с русским.

– Только не долго, мсье Лакомб, – сказал врач. – Вы должны отдохнуть.

После этого оба вышли.

– Садись, лейтенант, – произнёс Удав.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Алексей, опускаясь в кресло.

– Нормально, – поморщился Лакомб. – Ещё раз, спасибо.

– Не за что.

– Кстати, хотел тебя спросить, где ты научился так стрелять?

– Это у меня от природы.

– Хорошие у тебя способности, – усмехнулся Жак Лакомб. – Надо будет запомнить.

Удав откинулся на подушку и закрыл глаза. В это время Грач увидал, как по его лицу стекают крупные капли пота.

– Может быть, позвать доктора? – спросил он.

– Не надо, – проговорил раненый. – Я потерял много крови и из-за этого чувствую слабость, но это пройдёт.

– Как знаете.

Лакомб снова открыл глаза и посмотрел на Алексея.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – опять заговорил Удав. – Но хочу я это сказать не только из-за того, что ты спас мне жизнь. Слушай меня внимательно, старший лейтенант Грачëв.

– Я слушаю.

– Люди на Москане хорошо относятся к русским, – продолжал Лакомб. – Вы строите здесь комбинат, отремонтировали порт и перестроили аэропорт. Говорят, что вы это делаете почти бесплатно, и это достойно уважения. Когда здесь стояли французы, ничего подобного не было. Вы, русские, вообще особая нация, и именно поэтому я сейчас с тобой разговариваю. Предупреди своих на вашей базе и гражданских, тех, кто строит комбинат. Ближайшие две недели пускай не выходят в город. Здесь будет опасно, и я не хочу, чтобы пострадал кто-нибудь из твоих земляков. Ты меня понял, старший лейтенант Грачёв?

– Я понял, – кивнул Алексей. – Вы будете мстить.

– Конечно, – ответил Удав. – Я ещё точно не знаю, кто это. Лишь подозреваю, но скоро мне всё будет известно.

Грач сразу вспомнил то, о чём ему только что говорил Макс Груббер.

– Когда я сюда приехал, то увидел, что здесь всем правят главари уличных банд, – говорил Лакомб. – Люди не могли спокойно выйти на улицу. Командованию Французских колониальных войск, которые здесь находились, это было выгодно, поскольку так было легче держать остров в повиновении. Я был ещё совсем молодым офицером, но от скуки решил заняться бизнесом, и ко мне тут же заявили рэкетеры. Я не поддался и объявил им войну, в результате которой и сам стал преступником. Я создал организацию, которая неожиданно стала самой мощной группировкой на Мос-

кане. Тогда я решил прекратить этот беспредел и навести здесь порядок. Я взял под контроль всю преступность и нашёл способ утихомирить тех, кто пытался сопротивляться. Я прекратил междоусобные войны между бандами, и на острове наступил мир. Прекратились грабежи и убийства, и люди мне благодарны за это. Я потратил на это годы своей жизни, и не только из-за благодарности москанцев. Как известно, бизнес любит тишину. Мне удобнее вести дела в спокойной стране. Но кое-кому это не нравится, и время от времени они напоминают о себе. Раньше это были комариные укусы, и я легко исправлял ситуацию, но сейчас они перегнули палку. Я недооценил степень опасности и поэтому сейчас пропустил удар. Мою бедную жену уже не вернуть, но я раздавлю тех, кто причастен к её убийству. Выжгу калёным железом, чтобы в будущем ни у кого даже мысли не возникло поступить со мной подобным образом.

Алексей с удивлением смотрел на Жака Лакомба. Удав как будто забыл, что был ранен. Глаза его горели лютой злобой. Наверное, это ненависть придавала ему силы, и Грач подумал, что не завидует тем людям, которые встали или когда-нибудь встанут на пути у этого железного человека.

– А теперь иди, Грач, – произнёс Удав и, откинувшись на подушку, опять закрыл глаза. – Иди. Мне надо отдохнуть.

Алексей встал и вышел из кабинета. Прямо у двери его уже поджидал Макс Груббер.

8. Макс Груббер

– Как он? – спросил Макс, кивая на дверь.

– В порядке, – ответил Грач. – Сейчас заснул.

– Хорошо, – кивнул немец. – Мне позвонили из гаража.

Твоя машина уже готова и через пять минут будет здесь.

– Спасибо.

– Не стоит.

Они вышли из дома, и Алексей сразу заметил, что во дворе сейчас намного больше людей, чем было тогда, когда он сюда приехал. Наверное, для Удава вызвали дополнительную охрану.

В это время отворились ворота и во двор въехал УАЗик Алексея. Он лихо развернулся и встал прямо у крыльца. Из-за руля выскочил молодой смуглый паренёк лет шестнадцати с взъерошенными волосами и подбежал к Максиму.

– Машина готова, господин Груббер! – заорал он. – Кому отдать ключи!?

– Ты чего кричишь? – спросил немец.

– От радости! – громко ответил парень. – Смотрите, какая работа! Ещё и радиатор поменяли! Русские должны быть довольны!

Грач подошёл к своей машине и удивлённо покачал головой. Следов вмятин не было, а сам УАЗик сверкал свежей

тёмно-зелёной краской и выглядел как новый. Поразительно, как его смогли отремонтировать всего за два часа.

– Как это тебе удалось, амиго? – изумлённо спросил Алексей.

– Ловкость рук! – ответил парень, рассматривая форму старшего лейтенанта. – Вы – русский лётчик!?

– Как тебя зовут? – в свою очередь спросил Грач.

– Керро!

– У тебя золотые руки, Керро. Я тебе что-нибудь должен?

– Мне заплатит господин Груббер. Но если вы хотите добавить что-нибудь от себя за срочность, то я возражать не буду.

– Иди отсюда, малолетний рэкети́р, – проворчал Макс. – Тебе заплатят ровно столько, на сколько ты поработал, и ни франком больше.

– Ладно-ладно, – Керро примирительно поднял руки. – Тогда хоть покатайте меня на вертолёте.

– Ну, что ж, – пожал плечами Алексей, – я думаю, это можно устроить. Приходи к КПП нашей базы, скажем, завтра после обеда. Спросишь Грача, и меня позовут.

– Так вы и есть Грач, про которого все говорят? – удивился парень. – Рад с вами познакомиться.

Он протянул руку, и Грач пожал её.

– Спасибо, амиго, – сказал он.

– Керро, тебе пора, – произнёс Макс.

– До встречи, Грач, – улыбнулся юноша и пошёл к воро-

там.

Алексей посмотрел ему вслед и сел за руль.

– Мне тоже надо ехать.

– Ещё раз спасибо тебе за шефа, – произнёс Груббер.

– Ты на моём месте поступил бы так же.

– Возможно, – кивнул немец.

Грач завёл мотор.

– Помни, о чём я тебе говорил, – сказал Макс, пожимая ему руку. – Лопе скоро узнает, что это именно ты убил его стрелка, так что будь осторожен.

– Спасибо. Я учту.

Алексей включил передачу, и машина плавно тронулась.

Груббер посмотрел, как она выезжает за ворота, потом развернулся и пошёл в дом.

Врач сидел на диване около дверей кабинета Удава, и Макс сразу подошёл к нему.

– Когда проснётся мистер Лакомб? – спросил он доктора.

– Я не знаю.

– Ты же врач, – усмехнулся немец. – Ты должен знать всё.

И он взглянул на медика таким взглядом, что тот моментально вскочил на ноги.

– Я дал ему снотворное, – промямлил доктор. – Так что думаю, он проспит часов восемь или девять.

– Ну, то-то, – сказал немец. – Я буду рядом. Когда он проснётся – дашь мне знать.

– Я понял, господин Груббер.

Макс повернулся и прошёл к своей комнате, которая находилась недалеко от кабинета Лакомба. Он вошёл к себе и сразу бросился на диван. Лёжа на спине и заложив руки за голову, он начал размышлять.

Интересный человек этот русский, думал Груббер, глядя в потолок. Впрочем, все русские не простые люди. Этот старший лейтенант хоть и молод, но уже способен на волевые поступки. Самому Максу через несколько лет будет уже пятьдесят, но он всё ещё был в отличной форме благодаря тому, что три раза в неделю посещал зал тяжёлой атлетики.

Груббер ни разу не общался с русскими, хотя думал, что знает их довольно хорошо. В своё время он видел их очень часто, но видел он их в основном через прицел пулемёта или снайперской винтовки. Правда, был один случай, о котором Макс не очень любил вспоминать, но он всё равно раз от раза всплывал в его памяти. Немец закрыл глаза и отчётливо увидел себя в том возрасте, в каком был сейчас Грач.

В то далёкое время у него было другое имя. Совсем молодой унтерштурмфюрер СС Ганс Груббер окончил юнкерскую школу перед самым началом Второй мировой войны. Но к 1941-ому году Груббер был уже гауптштурмфюрером и командовал диверсионной командой 15-ого батальона специального назначения войск СС. Он хорошо запомнил тот день – 22-е июня. Он тогда находился в Мюнхене в отпуске по ранению и в то утро сидел в кафе. Бармен включил радио, и все услышали голос Гитлера, который произносил речь, по-

священную атаке на СССР. Все вокруг притихли, слушая слова Вождя, и в кафе воцарилась гробовая тишина.

Груббер не мог поверить, что слышит это. Он растерянно смотрел на карту мира, висевшую в кафе на стене прямо перед ним, и понимал, что эта военная компания обречена на поражение. Как могла маленькая Германия победить огромный Советский Союз!? Любой человек скажет, что это невозможно, ведь на карте Россия выглядела огромным монстром по сравнению даже со всей Европой. Груббер знал, что СССР занимает по площади одну шестую часть суши и имеет население почти двести миллионов человек. И именно в этот момент Груббер понял, что в его стране у власти стоит сумасшедший маньяк.

Скоро Фюрер закончил свою речь, и люди, сидевшие в кафе, в порыве патриотизма запели песню Хорста Весселя «Знамена ввысь», которая была гимном фашистской партии Германии. «Бестолковые фанатики», – подумал тогда Груббер. Он встал и вышел на улицу, чувствуя со всех сторон удивлённые взгляды.

В этот день он гулял по городу до поздней ночи. Он думал о том, что сегодня рухнули все его надежды. Груббер мечтал сделать карьеру в СС и когда-нибудь стать генералом. Но Гитлер своим нападением на СССР перечеркнул его будущее и будущее миллионов немцев. Сколько времени Рейх сможет воевать против Советов? Пускай пять лет или шесть. А потом наступит неминуемый крах.

Скоро Ганс Груббер оказался на Восточном фронте. Его сомнения никак не повлияли на его боевой дух. Он старательно и умело воевал, как это умеют делать только немцы, и даже получил Железный крест. Но он никогда и никому не рассказывал про свои мысли, потому что опасался доноса в гестапо.

Прошло четыре года, и всё произошло именно так, как он думал. Груббер дослужился до звания штурмбанфюрера СС и в самом конце войны прорывался с остатками своей роты из осаждённого Берлина, чтобы не попасть в руки к русским. В тот день они вышли к небольшой совершенно разрушенной деревне. Вид разбитых снарядами и ещё дымившихся домов говорил о том, что здесь недавно шёл тяжёлый бой, но несмотря на это, Груббер решил ненадолго остановиться здесь. Его люди были совсем измотаны, и им был необходим хотя бы короткий отдых.

Деревня была абсолютно пуста. Жители давно ушли отсюда, наверное, опасаясь артоналётов. Эсэсовцы расположились в двух крайних чудом уцелевших домах, но Груббер решил всё же лично осмотреть деревню, чтобы быть абсолютно уверенным, что в ней никого нет. Он взял с собой двух бойцов и лично пошёл на разведку, заглядывая в каждый дом.

Они осмотрели всё, но не нашли никого живого, кроме бродячих собак. Несколько домов оказались почти целыми, но в них были выломаны двери и сломаны все шкафы. Наверное, сюда уже добрались мародёры, рыскавшие в округе.

– Всё чисто, господин штурмбанфюрер! – доложил один из солдат, рыжий роттенфюрер СС, когда они закончили осматривать последний дом. – Можно возвращаться.

Груббер посмотрел вокруг и вдруг увидел сарай, стоящий за домом. С того места, где они стояли, был виден только кусочек крыши, поэтому они сначала его не заметили.

– Пойдём, посмотрим, что там, – кивнул в сторону сарая Груббер.

– Вряд ли мы кого-нибудь там найдём, – сказал другой солдат.

– Мы должны быть уверены, что там никого нет.

Солдат пожал плечами, и они двинулись в сторону сарая. Груббер понимал своего подчинённого. Только что они совершили двухдневный переход, перед которым был ещё тяжёлый бой, когда они нарвались на засаду отряда СМЕРШ. Конечно, солдат хотел отдохнуть, но Груббер привык всё доделывать до конца.

Они подошли к строению и, открыв ворота, зашли внутрь. Но то, что они там увидели, заставило их в нерешительности остановиться на пороге.

Груббер и оба его солдата прошли всю войну от первого её дня и до последнего. Они были спецназовцами и побывали в самых разных переделках. Им поручали тяжелейшие и порой даже невыполнимые задания, с которыми они, несмотря ни на что, почти всегда справлялись. Командование бросало их на самые жаркие участки фронта, и они всегда были го-

товы к любым неожиданностям. За годы войны они научились физически чувствовать любую опасность и были готовы к ней, мгновенно реагируя на неожиданную угрозу. Сейчас в сарае они ожидали увидеть всё что угодно, но та картина, которая предстала перед ними, заставила их в первый момент даже растеряться.

Прямо на полу на соломе лежало человек десять раненых русских солдат. Судя по всему, они были в тяжёлом состоянии, потому что все были в бинтах и только у двоих из них хватило сил повернуть головы и посмотреть на вошедших немцев. Между ними на корточках сидела девушка в военной форме с погонами рядового и белой повязкой санинструктора на рукаве, которая глядела прямо на штурмбанфюрера. Было непонятно, почему русские оставили здесь своих раненых, возможно, у них просто не хватило транспорта, чтобы их вывести. Но было ясно одно – за ними скоро вернуться, и надо было срочно уходить.

– Это раненые, – вдруг сказала девушка. – Вы не можете их убить.

Груббер даже вздрогнул от неожиданности. Он посмотрел на медсестру, пытаясь в полутьме сарая получше её рассмотреть.

«Красивая, – подумал штурмбанфюрер. – И совсем молоденькая».

Девушке было не больше двадцати лет. Длинные чёрные волосы спадали из-под пилотки почти до плеч. Она сжала

свои крошечные кулачки возле подбородка и смотрела настороженным взглядом, напоминая маленького зверька, загнанного в угол.

Груббер медлил. Он задумчиво смотрел на русскую медсестру, а она смотрела на него, и так продолжалось несколько секунд. И в конце концов девушка не выдержала.

Она вдруг вскочила на ноги и подбежала к эсэсовскому офицеру.

– Ну, стреляй, фашист!!! – громко закричала русская. – Стреляй, если тебе совесть позволит!!!

Глаза её горели, а лицо исказилось злобой, и сейчас она была совершенно не похожа на ту испуганную девочку, которой была всего мгновение назад. Штурмбанфюрер внешне оставался абсолютно спокоен, но в этот миг поймал себя на мысли, что невольно восхищается храброй сестрой милосердия. Несмотря на то, что Ганс Груббер воевал с русскими четыре года, он так и не выучил их язык, но по интонации понял смысл её слов.

И тут раздался лязг автоматного затвора.

– Отставить!!! – немедленно закричал Груббер не своим голосом и схватился за ствол автомата, который роттенфюрер уже навёл на русскую медсестру.

– Я вас не понял, господин штурмбанфюрер! – воскликнул тот. – Она же расскажет про нас своим!

– Всё ты понял! – прорычал Груббер. – Мы уходим.

– Но...

– Ты слышал приказ, рядовой?! Выполнять!!!

– Есть, командир! – рявкнул роттенфюрер и закинул автомат себе за спину.

И в этот момент у русской девушки из глаз ручьём хлынули слёзы, и она обхватила голову руками.

Эсэсовцы сразу вышли из сарая и бегом добрались до домов, где находились остальные солдаты. Все уже спали, кроме часовых, но Груббер быстро поднял своих людей. Группа сразу вышла из деревни, направившись к ближайшему лесу, и в это время со стороны дороги послышался шум автомобильных моторов. Русские ехали к деревне за своими ранеными солдатами.

Сейчас, вспоминая эти события, Макс так же вспоминал глаза русской медсестры и понимал, что в тот раз не взял ещё один грех на душу именно из-за этих глаз. Он прошёл всю войну, и ему приходилось убивать и безоружных людей, например, во время быстрых допросов пленных, когда надо было получить сведения любой ценой. Если бы такая ситуация возникла в начале войны, Груббер не задумываясь приказал бы расстрелять раненых красноармейцев, но в тот раз это было уже бессмысленно, и Груббер потом всю жизнь благодарил Бога за то, что он не позволил ему этого сделать.

Всё-таки тогда его группе удалось прорваться к союзникам. Американцы поместили их в лагерь для военнопленных, где жизнь ничем не напоминала жизнь арестованных. Каждый день зарядка и построения, занятия и хороший па-

ёк. Американцы даже разрешили носить награды и знаки различия, и Груббер иногда забывал, что он находится в плену.

Вдруг, уже через две недели, Ганс увидел, как по территории лагеря ходят два человека в французской военной форме. Груббер спросил у проходящего мимо оберлейтенанта, кто это такие, и получил ответ, что это вербовщики Иностранного легиона.

Ганс не раздумывал не секунды. Лучше в бой, чем ждать здесь не пойми чего, думал он. В его положении он готов был воевать за кого угодно. Груббер подошёл к легионеру и взял его за рукав.

– Я! – прокричал он ему, показывая на себя пальцем. – Запишусь в легион! Понимаешь!?

Француз посмотрел на эсэсовские петлицы бывшего штурмбанфюрера и, брезгливо поморщившись, отвернулся.

– Ну-же, лягушатник! – продолжал орать на него Груббер. – Возьми меня на войну!

– Не все французы едят лягушек, – неожиданно ответил легионер на чисто немецком языке. – Мы не берём в свои ряды эсэсовцев.

– А вам какая к чёрту разница, кто будет убивать для вас узкоглазых! – воскликнул Груббер. – Или вы считаете себя лучше нас! Тогда какого дьявола ты сюда припёрся!?

Француз вдруг с интересом посмотрел на Ганса.

– В какой части вы служили? – спросил он.

– Пятнадцатый батальон специального назначения войск СС.

Француз удивлённо округлил глаза.

– Ого! – воскликнул он. – Я слышал про эту часть.

– Естественно, ты слышал.

– Какая у вас была должность?

– Моя последняя должность – заместитель командира батальона.

Легионер задумчиво прищурился.

– Ну, хорошо, – после небольшой паузы сказал он. – Я думаю, что мы сможем сделать для вас исключение.

– Тогда поехали отсюда быстрее, – усмехнулся Груббер, – пока я не передумал.

Так он попал на службу во Французский Иностраный легион. После медицинской комиссии и перед подписанием контракта ему предложили сменить имя и фамилию, выбрав себе любое. Он поменял имя Ганс на Макс, но фамилию менять не стал. «Дед был Груббер, отец – Груббер, и я останусь Груббером. Пошли все к чёрту», – думал он.

После учебного курса Макс Груббер оказался на войне в Индокитае. Бывшие его звания и награды в счёт не шли, и он начал службу в легионе со звания рядовой. Боевые действия здесь очень отличались от того, к чему он привык. Здесь не было больших сражений, в которых участвовали сотни тысяч человек с танками и артиллерией. Вьетнамцы нападали в джунглях неожиданно из засады маленькими группами или

по одиночке. Макс несколько раз был ранен, и ему очень повезло, что его не убили. Но самое тяжёлое ранение он получил, когда прослужил в легионе уже пять лет. Тогда его отправили лечиться в Европу и после госпиталя выперли в отставку по состоянию здоровья.

Груббер быстро промотал все деньги, заработанные на войне, и к тому же ему сел на хвост Интерпол, сотрудники которого разыскивали бывших эсэсовцев. Он тогда в первый раз пожалел, что не поменял свою фамилию, когда была такая возможность. Надо было бежать из Европы, и Макс решил уехать на какой-нибудь далёкий остров, где до него не дотянутся щупальца Интерпола. Он просто положил перед собой атлас и, закрыв глаза, ткнул пальцем посреди океана. Палец оказался ближе всего к Москане, и Груббер уже через неделю был там.

А ещё через некоторое время Макс Груббер познакомился с Жаком Лакомбом.

9. Макс Груббер (продолжение)

В дверь постучали, и задремавший было Груббер открыл глаза. Он посмотрел в окно и увидел, что на улице уже совсем темно.

– Кто там?

– Это я, Гуга.

– Входи.

Дверь открылась, и мексиканец, войдя, сел на стул, стоящий около дивана, на котором лежал Груббер.

– Ну что там? – сказал Макс, скосив глаза на вошедшего.

– Приехал Лусио, – Гуга наклонился к немцу поближе, как будто боялся, что их могут подслушать. – Полиция опознала стрелка.

Груббер рывком поднялся с дивана и сел.

– И кто же это?

– Некто Марко Мартинес, из банды Волка, – ответил мексиканец. – Он недавно вернулся из армии, и поэтому о нём никто ничего не знает.

– Подтвердилось то, что и так было ясно, – произнёс Макс. – Теперь осталось узнать, где скрывается Волк.

– Это известно.

– Откуда!?! – удивился Груббер.

– Лусио сказал, – Гуга улыбнулся. – У него брат работает в ресторане «Корона». Так вот: там есть номера для влюблён-

ных, и он видел, как час назад Лопе приехал туда со своей любовницей и снял номер на всю ночь.

– У этого голодранца ещё хватает денег на любовниц?

– Наверное, всю жизнь копил, – усмехнулся мексиканец. – Я хочу сейчас его навестить. Ты со мной?

– Подожди, Гуга, – Макс с сомнением покачал головой. – Надо дождаться, пока проснётся Удав.

– Да чего тут ждать!?! – мексиканец вскочил со стула и в возбуждении заходил кругами по комнате. – Пока будем ждать, он ускользнёт. А босс ещё не известно, когда проснётся. Сделаем всё быстро, и Лакомб нам ещё благодарен будет.

Макс и Гуга считались в организации заместителями и ближайшими помощниками Удава и поэтому могли сами принимать решения. Но в данном случае Макс считал, что сейчас надо действовать осторожно и только с разрешения Лакомба.

– Ты забыл, что нам надо сначала найти «крысу», которая рассказала Волку про то, какой дорогой и когда Удав поедет со своей семьёй.

Гуга резко остановился прямо перед Максом.

– Чего тут гадать?! – пожал он плечами. – Это, конечно, русский! Он мне сразу не понравился. Ответь мне, как получилось, что он появился именно в том месте, да ещё так вовремя? И где он научился так метко стрелять? Ведь он же лётчик, а не морской пехотинец! Много вопросов, Макс. Этот Грач – очень загадочная личность.

– Грач ездит этой дорогой каждый день в город за продуктами в одно и то же время, – проговорил Груббер. – Я проверял. Да и зачем ему это?

– Деньги! Чего тут непонятного!?

– Ты не знаешь, какие порядки у русских, – усмехнулся Макс. – Если в СССР у кого-то появляется много денег, то его сразу хватают и тащат в тюрьму. Так что деньги ему не нужны, он их даже потратить не сможет. Вот и выходит, что Грач вне подозрений.

– Хватит уже болтать! – воскликнул Гуга. – Пока будем здесь рассуждать, Волк сделает ноги и возможно ляжет на дно.

Груббер нахмурился, как будто о чём-то думая про себя, и мексиканец понял, что он колеблется.

– Решай, Макс, – произнёс он. – Такого случая может больше не представиться.

– Хорошо, – вдруг согласился Груббер.

Гуга вздохнул с облегчением.

– Лусио сказал, что он там один со своей шмарой, – сказал он. – Так что нам с собой и брать-то никого не надо. Слетаем вдвоём.

– Нет! – резко ответил Макс. – Двоих всё же возьмём. Пускай около входа в машине посидят для подстраховки.

– Ну, как знаешь, – согласился Гуга. – Всё! Поехали!

Они быстро спустились на первый этаж и вышли из дома. На стоянке машин стояло пятеро парней из боевого отряда

Удава, и Гуга сразу подошёл к ним.

– Карнелио и Бритва, поедите с нами, – сказал он.

Лакомб ввёл в своей организации железную дисциплину, даже строже чем в армии, поэтому оба боевика, к которым обратился мексиканец, даже не задавали вопросов. Они просто молча пошли вслед за Гугой и Максом.

Все четверо сели в длинный седан, и машина тут же выехала за ворота.

– Надо было сказать, куда мы едим, – произнёс Макс. – Если Удав проснётся, а нас нет, то он будет очень недоволен.

– Прекрати уже ныть, Макс! – раздражённо воскликнул мексиканец, сидевший рядом с ним на заднем сидении. – Мы всё сделаем быстро, и когда он проснётся, его уже будет ждать подарок.

Через пятнадцать минут они подъехали к «Короне» и остановились метров за тридцать от входа. Большое трёхэтажное здание светилось огнями. Этот ресторан посещали небогатые бизнесмены и мелкие чиновники, а также бандиты низшего звена типа Лопе. Цены здесь были умеренные, но кухня очень неплохая. На первом этаже, где был ресторан, имелось ещё казино, а гостиница и комнаты с девочками располагались на втором и третьем этажах. Таких заведений было немало в Россине, но туристы, приехавшие на Москану ради пляжей с белым песком и жаркого солнца, здесь никогда не появлялись, поскольку в таких заведениях часто бывали бандитские разборки со стрельбой и поножовщиной.

– Пошли, Макс, – сказал Гуга, как только машина остановилась.

– Не спеши, – ответил Груббер. – Ты ничего не замечаешь?

– А что я должен заметить? – удивился мексиканец.

– Обычно здесь должны стоять много машин посетителей, а сейчас ни одной нет.

– Ну, и что это значит?

– Пока не знаю, – задумчиво произнёс Макс. – Но согласись, что это подозрительно.

– Разберёмся на месте! – нетерпеливо воскликнул Гуга.

– Нет! – твёрдо сказал Груббер. – Сначала проверим.

Бритва, иди посмотри.

Бандит по кличке Бритва, сидевший около водителя, кивнул и вышел из машины. Жилистый и подвижный, он быстро дошёл до входа в ресторан и скрылся в дверях. Своё прозвище он получил из-за того, что всегда носил в кармане опасную бритву.

– Где тебя научили быть таким осторожным, Макс? – спросил Гуга.

– На войне, – ответил Груббер.

Мексиканец вздохнул, но спорить больше не стал. Он откинулся на спинку сидения и отвернулся к окну.

Бритва вернулся через пять минут. Он плюхнулся на сидение и повернулся к Максусу.

– Зал пустой, – доложил он. – Официанты скучают. Я по-

дошёл к ним и спросил, почему нет посетителей, а они сказали, что только что открылись и ещё никто не успел прийти.

– Видишь, Макс! – опять воскликнул Гуга. – Всё в порядке. Можно идти и брать Волка. Сейчас он наверняка уже пьяный, и мы возьмём его тёпленьким.

Груббер размышлял. С одной стороны, всё это было подозрительным, но с другой... Лопе был мелким гангстером и вряд ли придумает какую-то хитроумную ловушку. Ещё со времён войны у Макса выработалось чудовищное чувство самосохранения, и он всегда остро чувствовал опасность. Такое чувство у него возникало и сейчас, но умом он понимал, что Лопе не станет организовывать засаду ещё и потому, что не мог знать, что за ним уже началась охота. Наверное, к старости у меня возникла мания преследования, подумал Груббер.

– Хорошо! – произнёс он и открыл дверцу машины.

– Сидите здесь и ждите, – сказал Гуга Бритве и Карнелио, вылезая на улицу.

Они подошли к входу в «Корону» и зашли внутрь. Два гангстера, сразу расслабились и развалились в креслах.

– Ты заметил, как Макс нервничает? – спросил Бритва.

– Будешь тут нервным, – проворчал Карнелио. – У Лакомба погибла жена, и теперь непонятно, чем всё закончится.

Карнелио был намного старше своего друга. У него было холёное лицо и аккуратно подстриженные усики. Он был похож на гангстера, какими их показывают в кино, но все в ор-

ганизации Лакомба знали, что у него была жена и двое детей.

– Интересно, скоро они вернуться? – сказал нетерпеливый Бритва.

– Не суетись, – ответил Карнелио. – Лучше смотри в оба, чтобы не произошло какой-нибудь неожиданности.

– Что тут может произойти? – бандит покрутил головой. – Улица пуста, как будто все вокруг вымерли.

– В том то и дело. Все неприятности происходят тогда, когда их не ждёшь.

И в это время они увидели, что спереди в начале улицы появился свет фар какого-то автомобиля.

Макс и Гуга вошли в ресторан и огляделись. Так получилось, что ни тот, ни другой ни разу не были в этом заведении. В полутёмном зале стояли маленькие круглые столики, а по противоположенной стене тянулась зеркальная барная стойка. Зал был абсолютно пуст, и они хотели пройти дальше, но вдруг к ним подошёл высокий человек в костюме.

– Здравствуйте, господа, – произнёс он. – Я – старший администратор. Что вы хотели?

– Ты знаешь Лопе? – спросил его Гуга.

– Да.

– Где он? – спросил Макс.

– Здесь, – ответил администратор. – Наверху в гостинице.

– Проводи нас.

– Хорошо, – кивнул человек в костюме. – Сейчас я позову

ночного портье, и он вас к нему отведёт.

– Нет-нет, любезный, – оскалился Гуга и взял администратора за рукав. – Не надо портье. Ты сам нас проводишь.

– Хорошо, – администратор равнодушно пожал плечами. – Следуйте за мной.

Он развернулся и пошёл вдоль стойки, а Макс вдруг подумал, что этот администратор скорее похож на вышибалу.

И тут у Груббера сильно застучало в висках. Это проснулось давно дремавшее в нём чувство опасности, как тогда в сорок третьем под Киевом, когда он со своей разведгруппой, переходя линию фронта, неожиданно попал под миномётный обстрел. Макс тут же отчётливо понял, что человек, который их встретил, был никакой не администратор, и выхватил пистолет.

– Вот это скорость! – воскликнул Бритва, глядя на быстро приближающиеся фары. – Интересно, куда он так торопится?

– Мне это не нравится, – сказал Карнелио и достал пистолет. – Приготовься на всякий случай.

Бритва полез в карман за оружием. Приближающаяся машина была уже совсем рядом, и тут из здания гостиницы раздались выстрелы.

Человек, назвавшийся администратором, видно почуяв неладное, резко обернулся, но Груббер сразу выстрелил ему

в грудь. Администратор захрипел и упал на пол, и тут же из-за барной стойки поднялись четыре человека с автоматами в руках. Макс бросился на пол, но автоматные очереди прошли его тело насквозь. Более ловкий Гуга успел достать свой пистолет и, перевернув стол, юркнул за него.

Автомобиль, визжа тормозами, резко остановился возле их машины. Сразу из окон показались стволы автоматов, направленные в их сторону. Карнелио успел выстрелить, но пули, выпущенные из подъехавшей машины, тут же разбили ему голову. Бритва распахнул дверь и бросился на тротуар, но сделал это недостаточно быстро, и две пули всё же попали ему в спину. Он пополз вперёд, обливаясь кровью, и в это время к нему подбежал один из убийц. Ловкий Бритва из последних сил рванулся и, вскочив на ноги, развернулся. Он дёрнулся навстречу своему убийце и взмахнул рукой. Подбежавший к нему бандит вдруг выронил автомат, захрипел и рухнул на асфальт. Он упал на спину, схватившись за шею, из которой торчала рукоятка опасной бритвы.

Гуга лежал за столом. В него всё-таки попали, и он смотрел на растекавшуюся под ним лужу крови. Кроме того, он, когда падал, выронил пистолет. Оружие лежало прямо перед ним, и, когда выстрелы смолкли, он протянул руку, чтобы взять его. Гуга уже достал его пальцами, как вдруг на его руку наступила чья-то нога.

10. Гуга

Гуга с малолетства восхищался мотоциклами. Он всегда с большим волнением смотрел на мотоциклистов, проезжавших мимо его дома, а когда видел большие и красивые мотоциклы, то у него замирало сердце. Когда ему было десять лет, он смастерил себе мопед из старого велосипеда, но это было не то. Он хотел когда-нибудь купить себе Харлей-Дэвидсон или Индиан, но такие мотоциклы очень дорого стоили. Гуга вместе с родителями жил на окраине Россины в рабочем районе, и его семье вечно не хватало денег. Он устроился на бензоколонку, чтобы накопить себе на приличный мотоцикл, но ему для этого надо было бы работать там лет десять.

Однажды вечером Гуга, когда ему уже исполнилось четырнадцать, сидел дома. Делать было нечего, и он от скуки перебирал старые автомобильные журналы, как вдруг услышал тарахтение мотоциклетного мотора. Гуга выглянул в окно и увидел, что возле его подъезда остановились трое мотоциклистов в кожаных безрукавках. На спине у каждого было изображение ягуара, крадущегося сквозь заросли, и надпись: «Ягуары Москаны, Россина, МГ, 1%».

Гуга знал, что «Ягуары Москаны» – самый крутой мотоклуб на острове, а надпись на их жилетках МГ говорила о том, что это не просто мотоклуб МС (motorcycle club), а мо-

тобанда (motorcycle gang). Нашивка «1%» тоже о многом говорила.

Однопроцентниками себя называли байкеры, которые не признают никаких правил. В начале июля 1947-ого года в американском городе Холлистер проходило моторалли. На это моторалли съехалось много мотоциклистов со всей Америки, которые начали бурно праздновать это событие. В конце концов под действием выпитого спиртного байкеры начали громить витрины магазинов и баров. Эти беспорядки впоследствии газеты назвали «Холлистерским мятежом», а на следующий день Американская ассоциация мотоциклистов (АМА) через средства массовой информации заявила, что в погромах участвовал только 1% всех присутствующих на ралли байкеров, а остальные 99% являются законопослушными гражданами. После этого байкеры, которые не дружат с законом, стали называть себя однопроцентниками.

Гуга тут же выскочил на улицу.

– Эй, парень! – обратился к нему один из байкеров, бородач в тёмных очках. – Здесь есть где-нибудь место, где можно промочить горло.

– За углом есть бар, – ответил Гуга. – А это у тебя Харлей?

– Я вижу, что ты разбираешься в мотоциклах.

– Харлей ни с чем не перепутаешь, – ответил Гуга. – Хочу себе такой же, но денег не хватает.

– Что ж, я думаю, мы сможем тебе в этом помочь, – произнёс бородач. – Приходи завтра к нам в клуб, и мы погово-

рим. Знаешь, где нас искать?

– Знаю, – кивнул Гуга. – Возможно, я стану членом клуба?

– До этого ещё далеко, – усмехнулся байкер. – Но ты приходи, а там посмотрим.

В то время Гуга ещё не знал, что вступить в мотоклуб никогда никого специально не приглашают. Человек должен сам стремиться попасть туда.

Байкеры уехали, а Гуга ещё долго смотрел им вслед. Он давно мечтал вступить в байкерский клуб, но знал, что для этого ещё слишком молод. Сейчас он вдруг представил, как появится на своей улице, сидя на Харлее и одетый в цвета «Ягуаров». От этих мыслей у него даже закружилась голова.

На следующий день Гуга чуть свет появился в мотоклубе. Около закрытых ворот стоял скучающий худой молодой парень в кожаной жилетке, на которой было написано prospect. Гуга знал, что такие надписи носят кандидаты в члены клуба.

– Тебе чего здесь надо? – спросил байкер.

– Меня пригласили, – ответил Гуга.

– Проваливай отсюда, – усмехнулся байкер, смерив его презрительным взглядом.

– Повежливее, приятель, – вдруг сказал Гуга. – Меня пригласил один из «Ягуаров» с нашивкой member – действительный член клуба, и я знаю, что имею право пройти.

Кандидат сразу перестал ухмыляться. Видно, что он никак не ожидал услышать от четырнадцатилетнего пацана таких слов.

– Как он выглядел? – спросил prospect.

– В тёмных очках и с длинной бородой.

– Здесь все такие, – ухмыльнулся байкер, хотя сам был без очков и даже без усов.

– У него Харлей-Дэвидсон Гидра-Глайд 1952-ого года чёрного цвета, – сказал Гуга.

– Так бы сразу и сказал! – воскликнул байкер. – Это конечно Шкаф. Подожди здесь.

И он сразу ушёл. Гуга постоял всего несколько минут, переминаясь с ноги на ногу, и кандидат появился снова. На этот раз он явно был приветливее, чем раньше.

– Пойдём со мной, – сказал он.

Они зашли в ворота и пересекли небольшой двор. Байкер открыл дверь в большое бунгало, скорее похожее на барак, около которого стояли в ряд штук десять мотоциклов, и Гуга оказался в широком помещении, на стенах которого висели плакаты с изображениями мотоциклов и флаги Конфедерации.

Было очень похоже, что недавно здесь прошёл ураган. Почти все столы были перевёрнуты, стулья лежали на боку, а под ногами валялись пустые бутылки. Несколько человек в кожаных жилетках лежали прямо на полу в разных позах и громко храпели, а на широкой барной стойке под медвежьей шкурой спали две девушки. Край шкуры сполз вниз и Гуга, увидев голую грудь одной из них, смущённо отвернулся. Шкаф спал на столе, и байкер, приведший сюда Гугу, подо-

шёл к нему.

– Шкаф, к тебе пришли, – сказал он, толкнув его в плечо.

Бородач заворочался и открыл глаза, уставившись на Гугу.

– Ты кто, человече? – спросил он.

– Мы вчера с тобой разговаривали, и ты сказал, чтобы я пришёл в клуб.

– Да!? – удивился байкер. – А зачем?

– Ты сказал, что у вас есть для меня работа.

Шкаф смотрел перед собой, наморщив лоб, видно пытаясь что-то вспомнить.

– Ты в это время ещё спросил, есть ли поблизости какой-нибудь бар, – помог ему Гуга.

– А-а! – воскликнул Шкаф, хлопнув себя по лбу. – Я вспомнил!

Он тут же резко вскочил со стола.

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Гуга.

– Пойдём, Гуга.

Шкаф повёл его вглубь помещения. На кожаном кресле возле стены спал ещё один байкер, и Шкаф подошёл к нему. Это был худой парень лет двадцати пяти с длинными чёрными спутавшимися волосами. Он закатил свою голову назад и громко храпел, а на его жилетке была нашивка с надписью president.

– Эй, Мамонт, вставай, – сказал Шкаф, тряся его за плечо.

– Отвали, – лениво произнёс президент и опять захрапел.

Тогда Шкаф взял со стоящего рядом стола бутылку пива, открыл её перстнем и сунул в правую руку Мамонта. Тот тут же схватил её, поднёс ко рту и выпил за несколько глотков, после чего швырнул пустую бутылку на пол и только тогда открыл глаза.

– Тебе чего!?

– Пришёл парнишка, который хочет у нас работать, – произнёс Мамонт. – Ему нужны деньги на мотоцикл, и я обещал.

– Раз обещал – возьмём, – кивнул Мамонт и повернул голову в сторону Гуги.

Президент клуба некоторое время смотрел на него, и Гуга вдруг почувствовал себя как на экзамене.

– Что ты умеешь делать? – наконец спросил Мамонт.

– Я разбираюсь в двигателях.

– Шкаф, отведи его в гараж, – проговорил президент. – Там как раз нужен уборщик, а то у слесарей вечно бардак.

Гуга ещё раз оглянулся вокруг на перевёрнутые стулья и валяющиеся повсюду бутылки и подумал, что же после этого Мамонт называет бардаком.

Президент после этого сразу потерял к Гуге всякий интерес. Он шатаясь встал со стула, огляделся вокруг и увидев спящих девок, двинулся к ним, на ходу растёгивая свои кожаные штаны.

– Пойдём отсюда, парень, – усмехнулся Шкаф. – Ты ещё слишком молод, чтобы смотреть на то, что сейчас произой-

дёт.

Они вышли на улицу, и байкер подвёл Гугу к большому обитому ржавым железом бараку.

– Это наша мастерская, – сказал он. – Тут мы ремонтируем мотоциклы и машины.

Он дёрнул на себя створку ворот, и она открылась с мерзким громким скрипом. Они зашли в барак, и Гуга тут же понял, что имел в виду Мамонт, когда говорил о бардаке.

На подъёмнике стоял полуразобранный мотоцикл, а по всему полу, который весь был залит отработанным машинным маслом, валялись разные запчасти. Поршни, фары, амортизаторы и фильтры лежали под ногами вперемешку с пустыми бутылками из-под виски. Гаечные ключи, отвёртки и молотки торчали из грязных металлических вёдер. Гуга с ужасом смотрел на этот беспорядок, не понимая, как можно работать в такой обстановке.

Шкаф окинул взглядом помещение и усмехнулся.

– Сделай здесь уборку, – произнёс он. – Вымой полы и наведи порядок. Слесаря придут часа через два, и этого времени тебе вполне должно хватить.

После этого он развернулся и вышел из мастерской, а Гуга тяжело вздохнул и принялся за уборку.

Он разложил все детали на стеллажи, стоявшие вдоль стен, а отвёртки и гаечные ключи убрал в шкафы для инструмента. Потом нашёл швабру с ведром и принялся драить пол.

Гуга уже отгёр половину пола от масляных пятен, как

вдруг раздался скрип открываемой двери. Гуга повернулся и увидел, что на пороге стоит тощий и высокий человек в кожаной жилетке.

– Что здесь происходит?! – недовольно воскликнул он.

– Я мою пол, – спокойно ответил Гуга, вытирая пот со лба.

– Это я вижу! – опять громко произнёс байкер. – Я хочу знать, кто тебе разрешил сюда прийти и, кто ты, собственно, такой?

– Меня зовут Гуга, а послал меня сюда Шкаф.

– Шкаф!?! – байкер удивлённо выкатил глаза. – Ну-ка, пойдём со мной.

Они вышли из автомастерской и опять прошли в бунгало. Здесь уже царило веселье. Из мощных колонок вырывались звуки рок-н-ролла, а за длинным столом, заставленным бутылками, сидели десять байкеров и две девицы в купальниках.

– Шкаф, что за дела!?! – сразу спросил длинный. – Объясни мне, с какой стати ты командуешь в моей мастерской?

– Не ерепенься, Жгут, – вдруг сказал Мамонт. – Я президент клуба и только я решаю, кто и где будет работать. Этот парень с сегодняшнего дня будет работать с тобой.

– Надо было хотя бы предупредить меня, – недовольно проговорил Жгут.

– Вот я и предупреждаю, – усмехнулся президент. – У тебя байк висит на подъёмнике уже третий день, так что идите и работайте.

11. Гуга (продолжение)

С этого дня Гуга начал работать в гараже байкерского клуба «Ягуары Москаны». В мастерской кроме него и Жгуга работал ещё один человек – хромой Санчес. Это был мужчина лет сорока пяти с редкими седыми волосами и большим животом. Санчес хромал на правую ногу, поэтому все называли его Хромой. В отличие от Жгуга он не был членом клуба и совершенно не стремился им стать.

Дня через три после того, как Гуга появился в клубе, Хромой подошёл к нему.

– Хочешь стать членом клуба? – спросил он.

– Да.

– А зачем?

– Мотоциклы нравятся, – Гуга улыбнулся.

– Здесь не только красивые мотоциклы, – Хромой осторожно посмотрел назад через плечо, как будто чего-то опасался. – Тут тебе придётся заниматься такими делами, за которые могут посадить в тюрьму.

– Тогда ты что здесь делаешь?

– Я старый человек, и мне надо зарабатывать на жизнь. Мне негде больше найти работу, а ты ещё молод и сможешь заработать в другом месте. Подумай, пока не поздно.

– Хорошо, – усмехнулся Гуга. – Я тебя понял, Санчес.

Хромой отошёл, а Гуга тут же забыл об этом разговоре.

В это время его голова была занята другими мыслями, но скоро ему пришлось вспомнить слова, которые сказал ему Санчес.

На следующий день уже поздним вечером в клуб приехал Шкаф на огромном шикарном седане. Жгут тут же открыл ворота гаража, и машина въехала внутрь.

– Надо перебить номера на кузове и перекрасить, – сказал Шкаф, вылезая из-за руля. – Всё должно быть готово к завтрашнему вечеру. У меня уже есть на неё покупатель.

– Понял! – кивнул Жгут и повернулся к Гуге. – Отгони машину в покрасочную камеру.

– Но это же незаконно, – вдруг вырвалось у Гуги.

Шкаф со Жгутом переглянулись.

– Послушай, парень, – сказал тогда Шкаф, подойдя к Гуге. – Я обещал тебе, что ты быстро заработаешь на мотоцикл, и сдержу обещание. Но просто ремонтируя здесь мотоциклы, ты денег от нас много не получишь. Тебе придётся делать всё, что я тебе скажу, и забыть о такой ерунде, как закон. Так что перестань возбужать, ведь ты сейчас даже не сможешь уйти от нас, потому что уже слишком много знаешь.

В словах байкера Гуга услышал явную угрозу, а в глазах увидел стальной блеск. В этот момент Гуга вспомнил разговор с Хромым и понял, что байкерская романтика здесь была лишь прикрытием. Возможно, в других клубах всё обстояло по-другому, но «Ягуары» использовали свой имидж для ведения преступного бизнеса. Деньги стояли здесь на первом

месте, а уж потом всё остальное.

Но Гуга сразу сделал свой выбор. Он и так знал, что «Ягуары» занимались чем-то незаконным, и сейчас не был удивлён.

– Я всё понял, Шкаф, – сразу сказал он.

– Ну, то-то, – усмехнулся байкер и повернулся к Жгуту. – Научишь его перебивать номера. Сделаете всё быстро, а я пошёл.

С этими словами он вышел из мастерской, и Гуга со Жгутом остались одни.

В тот вечер Гуга научился перебивать номера на кузове автомобиля. Потом они со Жгутом перекрасили седан в другой цвет, и Шкаф, когда пришёл за машиной, остался очень доволен. Он сел за руль и немедленно укатил. Приехал он только поздней ночью и сразу подошёл к Гуге.

– Вот возьми, – сказал он и сунул ему в руку пачку банкнот. – Это твоя доля.

Гуга посмотрел на деньги и тут же удивлённо взглянул на байкера.

– Но тут слишком много, – растерянно произнёс он.

– Бери, бери, – ухмыльнулся Шкаф. – Скоро ты сможешь купить себе мотоцикл.

С той поры прошло два года. Гуга ездил на новеньком Харлее, снял себе квартиру и был полностью доволен жизнью. Мотоклуб стал его семьёй, и он всё своё время прово-

дил там. И вот однажды к нему подошёл президент «Ягуаров» и отвёл в комнату для заседаний клуба.

– Ты у нас работаешь уже два года, а всё ещё не носишь цвета «Ягуаров», – сказал Мамонт.

– Но у вас в уставе написано, что в клуб принимаются только парни, которым исполнилось шестнадцать лет, – ответил Гуга.

– Но тебе уже исполнилось шестнадцать, – усмехнулся Мамонт.

– Всего неделю назад.

– Вчера мы поставили этот вопрос на голосование и единогласно решили, что ты уже давно достоин этого.

И тут президент взял со стола кожаную жилетку и надел её на плечи Гуги. Prospect было написано на нашивке, но сзади не было эмблемы «Ягуаров», поскольку кандидат в члены клуба не имеет пока право её носить. Эту честь надо было ещё заслужить.

– Ничего мне не говори, – сказал Мамонт ошарашенному Гуге. – Только не забудь проставится. Сегодня вечером здесь соберутся все члены клуба и будет попойка в твою честь.

– Я счастлив, – только и смог выдавить из себя Гуга.

– Ещё бы, – опять усмехнулся президент. – И вот ещё что...

С этими словами Мамонт сунул в руку Гуге пистолет. Гуга растерянно посмотрел на оружие и опять уставился на Мамонта.

– Все члены клуба носят оружие, – сказал президент. – Это для самообороны. Если тебя заметут с ним в полицию, говори, что только что его нашёл, и тогда наш адвокат тебя отмажет. Ты понял?

– Я понял, – ответил Гуга и сунул пистолет себе за пояс.

Этим вечером Гуга в первый раз в своей жизни напился до беспамятства. Все члены клуба поздравляли его и по традиции обливали пивом. Гуга помнил только то, что целовался со всеми, а потом пытался найти выход из бара, но так и не нашёл, поэтому лёг спать прямо на полу. После этой вечеринки он дал себе слово никогда больше не пить и не употреблять наркотиков.

Время шло. «Ягуары» продолжали заниматься угоном машин, продажей наркотиков и мелким рэкетом. Через год Гуга стал действительным членом клуба и получил нашивку с надписью member. Но именно в это время ему неожиданно начало надоедать это однообразие, и к тому же он понял, что способен на большее. А потом произошёл случай, который окончательно убедил его в том, что байкклуб – это пройденный этап в его жизни.

Однажды ночью они со Шкафом и ещё одним байкером решили ограбить магазин радиотехники. Они подогнали фургон прямо к стеклянной витрине, разбили стекло и просто начали грузить в кузов телевизоры и радиоаппаратуру. Кузов был почти полным, как вдруг около них остановилась легковая машина и из неё вылезли трое здоровенных негров.

– Как хорошо у вас это получается, – усмехаясь, сказал один из них.

– А тебе какое дело, – невозмутимо ответил Шкаф, кладя очередной телевизор в кузов. – Ты что – из полиции?

– Нет, как видишь, – негр улыбнулся, сверкнув неправдоподобно белыми зубами.

– Тогда идите своей дорогой, – огрызнулся Шкаф.

– Мы бы пошли, но хозяин этого магазина платит Мишелю Треми за охрану, – негр улыбнулся ещё шире. – Знаешь такого?

– Треми? – растерянно произнёс Шкаф. – Мы этого не знали.

– Теперь знаете, – сказал негр. – Так что разгружайте всё обратно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.